

Штуцер и тесак

Автор:

Анатолий Дроздов

Штуцер и тесак

Анатолий Федорович Дроздов

Штуцер и тесак #1

Мусульмане в таких ситуациях говорят: «Кисмет!» Ты везешь в карете скорой помощи пострадавшую в ДТП, мечтая не опоздать. Но судьба уже бросила кости – навстречу выползает скотовоз. Удар – и вот уже нет вокруг привычного мира. Ты лежишь в телеге совсем голый, а вокруг люди в странных мундирах. Стоят в пирамидах длинные ружья с трехгранными штыками. На дворе июль 1812 года, и в городе, где ты жил прежде, хозяйничают французы...

На любой войне выжить – непростая задача. И вдвойне сложная в другой реальности. Ведь все вокруг незнакомое и чужое. Но сдаваться нельзя. Конечно, если ты мужчина...

Анатолий Дроздов

Штуцер и тесак

1.

Авария на шоссе М-8, оно же Е-95, произошла ранним осенним утром. В эти октябрьские дни дороги нередко заволакивают туманы, так случилось и в этот раз. Видимость, плохая даже на высоких участках шоссе, в низинах сократилась

до 50 метров. При таких условиях обгон – занятие клинических идиотов, но один нашелся. BMW X5 с российскими номерами резким маневром обогнул попутную фуру и выскочил на встречную полосу. Владелец не успел порадоваться мощи движка и отточенной управляемости «коня», как навстречу из тумана выскочил Lexus LX с украинскими номерами. Сманеврировать оба водителя не успели. Визг стираемых об асфальт шин, удар...

Немецкие и японские кроссоверы – автомобили крепкие, о безопасности водителей и пассажиров их производители заботятся. Но суммарная скорость, превышавшая 150 км/час... К тому же через пару секунд сцепившиеся на шоссе машины догнала фура. Затормозить ее водитель не успел... Грудю железа, в которую превратились кроссоверы, могучим ударом снесло с асфальта и сбросило в кювет.

Скорую помощь и МЧС вызвал водитель фуры – он в аварии почти не пострадал. Первыми прилетели «эмчээсники». Гидравлическими ножницами они разрезали корпуса бывших кроссоверов и извлекли из них четыре тела – троих мужчин и одну женщину. Мужчинам медицинская помощь не требовалась, а вот женщина, которую достали с заднего сиденья «лексуса», еще дышала. Ее передали подлетевшей бригаде «скорой». Та действовала профессионально. Пострадавшую переложили на складную каталку и засунули внутрь автомобиля. Следом вскочили медсестра, женщина лет сорока, и фельдшер, мужчина лет тридцати. Перед тем, как скрыться в карете, он сказал водителю:

– Гони, Иванович! Совсем плохая. Не довезем...

Иванович погнал. Включив мигалку и сирену, он притопил педаль газа и помчался по влажной от тумана ленте шоссе. Завывая, скорая неслась в недалекий Могилев, где в извещенной бригадой клинике спешно готовили операционную. Но этот день выдался поистине несчастливым. На съезде к городу «скорую» не пропустил грузовик, который вез на мясокомбинат бычков. Его водитель то ли не услышал сигнал, то ли не счел нужным уступить дорогу. Тяжелый, стальной бампер ЗИЛа еще советской постройки снес «скорую» с дороги, и та, слетев с асфальта, перевернулась несколько раз на крышу и обратно. Погибли все: и медицинская бригада, и их чудом уцелевшая в аварии пациентка. Помощь не понадобилась никому, что и зафиксировали прибывшие к месту ДТП экипажи других карет скорой помощи.

Одновременно, правда, произошло странное: на месте аварии не обнаружили тела фельдшера. Поначалу на это не обратили внимания – не до того было, но потом кто-то из медиков сообразил, что бригада в разбитой машине не полная. Поначалу подумали, что фельдшера выбросило из машины, когда та кувыркалась. Осмотрели дорогу, обочины, луг на месте аварии – никого. К поискам подключилась спешно вызванная бригада МЧС – и опять-таки безрезультатно. Предположили, что фельдшер вышел из «скорой» на пути в Могилев. Это выглядело невероятным: не мог медик бросить пациента в такой ситуации, но иной версии не нашлось. Пробовали пропаже звонить – телефон оказался недоступен. Руководство подстанции скорой помощи решило разобраться с фельдшером после его возвращения на работу или в общежитие, где проживал холостой медик. Этого, однако, не случилось: ни в тот день, ни в последующие. Человек словно испарился. Уехать он не мог: в его комнате остались документы и вещи, а также деньги, которые обнаружили в древней емкости для стерилизации шприцев, которую пропавший фельдшер хранил в тумбочке. Все это нашла милиция, в которую поступило заявление от руководства подстанции, встревоженного исчезновением работника. В милиции завели розыскное дело, привлекли поисково-спасательный отряд «Ангел»[1 - Благотворительная организация добровольцев в Беларуси, которая занимается поиском пропавших и заблудившихся людей, а также помогает тем, кто попал в сложную ситуацию вследствие природных условий – например, из-за занесенных снегом дорог. Действует оперативно и эффективно. Очень популярна и уважаема в обществе.], который, как обычно, распространил фото и описание пропавшего человека в интернете и на листовках. Никакого эффекта: никто таинственно исчезнувшего фельдшера не видел. Спустя положенный срок вещи «потеряшки» увезли в камеру хранения, а комнату выделили другому медику. Со временем об исчезнувшем забыли. Се ля ви, как говорят французы...

?

Надо мной пел соловей. Щелкал, выводил рулады, заливался, демонстрируя миру радость. Некоторое время я лежал, слушая птаха и пытаюсь понять, где нахожусь. В раю? А там поют соловьи? Возможно – не бывал. Я на том свете? Вполне вероятно. Последнее, что я запомнил: удар, взлетевшее с носилок тело пациентки, следом – мое и несущаяся навстречу задняя дверь скорой. Перед тем, как врезаться в нее головой, я разглядел возникшую между нами тонкую, радужную пленку, похожую на мыльный пузырь. Только этот пузырь занял все пространство салона кареты. Дальше была темнота...

Выходит, что я умер, и соловей поет надо мной погребальную песню? Что-то слишком жизнерадостно для таковой. И какие соловьи в октябре? Хотя на том свете нет времен года. Подумав, я прислушался к себе. Тело ныло, саднила голова, и вообще ощущения хреновые. Странно. Мертвым не больно.

Попытался открыть глаза. С правым это вышло, а вот левый не подчинился – веко будто приклеили. Но и одним глазом рассмотрел, что это не рай. Я лежал под деревом. На фоне светлеющего неба явственно различались мощные ветви, с тонких свешивались прихотливо вырезанные листья. Дуб... Сомневаюсь, что в раю растут дубы.

Попробовал сесть. Получилось. Голова полыхнула болью, от чего я зашипел, но сдержал готовое сорваться с языка ругательство. Стараясь не тревожить саднящую тыковку, осмотрелся, осторожно поворачиваясь всем торсом. Я находился в телеге, а та стояла под дубом, возвышавшимся посреди небольшой поляны. Вокруг виднелись тлеющие костры и лежащие возле них люди. Они были укрыты странными, темно-серыми одеялами. Присмотревшись, я понял, что это шинели. Необычного покроя, не похожие на те, что доводилось видеть прежде, но точно не одеяла: у тех не бывает воротников-стоек и погон. Тело внезапно ощутило колючую ткань, и я перевел взгляд вниз. Меня укрыли такой же шинелью: толстой, из грубого сукна серого цвета. На ней имелся стоячий воротник и погон желтого цвета. Это ж какие войска такие носят?

Решив не заморачиваться, я откинул шинель. Здравствуйте! Гол как сокол, даже носки сняли. В больнице это нормально, но я не в клинике. В палатах не растут дубы, а пациентов не кладут в телеги на постеленное поверх сена рядом. Шинелями их не укрывают, о соловьях вовсе молчу. Невидимый птах все так же надрылся в ветвях, не обращая внимания на шевеление внизу. С чего ему обращать? У него своя жизнь...

Хотелось пить, а также того, что противоположно этому процессу. Подумав, я осторожно выбрался из телеги и, стараясь не задеть спящих, отправился искать воду. Она где-то неподалеку: соловей не поет вдали от водоема, ему нужно периодически смачивать горлышко. Откуда знаю? Не на асфальте рос.

Небольшой ручей обнаружился на краю поляны: я его прежде услышал, чем увидел. Сбегая по небольшому склону, вода журчала в узком русле. Прежде чем напиться, я тоже пожурчал – разумеется, не в ручей, а в кустики неподалеку. Затем, встав на колени, напился обжигающе холодной, практически ледяной

воды. Ручей явно брал начало в роднике. Утолив жажду, я всмотрелся в свое отражение в воде. Красавец, блин! Голова замотана какой-то тряпкой, левая сторона лица в засохшей крови, потому и глаз не открывался. Я аккуратно смыл кровь, пустив по ручью бурые разводы. Глаз открылся, слава богу! Я потащил с головы тряпку, но ткань присохла к ране, пришлось отмачивать. Содрав, наконец, тряпку с головы, я рассмотрел ее. Чья-то нижняя рубаша, сшитая из грубого полотна, без воротника и пуговиц. Простирнув ее в ручье, осторожно отер влажным рукавом кровяные корки вокруг раны. Прическу я ношу короткую, стригся недавно, так что затруднений не возникло. Спустя несколько минут удалось рассмотреть рану – насколько позволяло изображение в воде. Не слабо меня приложило! Косой разрез повыше виска, идущий ото лба к затылку с левой стороны черепа. Длиною сантиметров десять. Похоже, повреждена только кожа. Здесь много сосудов, отчего и крови натекло много. Ничего страшного, но шить надо: края раны далеко разошлись. Если не стянуть, заживать будет долго, да и шрам останется жуткий.

Подумав, я отстирал кровь с запачканной рубашки – в холодной воде это удалось легко, отжал ее и накинул на себя. Хоть какая-то одежда! Влажная, грубая ткань плотно облекла тело, стало холодно. Зато срам прикрыт – рубаша длинная. Древнее словечко «срам» всплыло в памяти само, и я подивился этому. Откуда? Внезапно, пораженный одной мыслью, заспешил обратно. Босые ноги оставляли на усыпанной росой траве темный след, зябли от влаги, но я не обращал на это внимания. Оказавшись на поляне, уставился на то, обо что зацепился взглядом на пути к ручью, но, томимый жаждой и нуждой, не придал значения.

Ружья! Составленные в пирамиду, с торчащими над стволами длинными, трехгранными штыками, они прекрасно различались в свете еще не показавшегося над горизонтом солнца. Не веря собственным глазам, я подошел ближе. Никакого сомнения: русские пехотные ружья образца 1808 года. Калибр – 7 линий, или 17,8 миллиметров. Мушка припаяна к последнему кольцу у края ствола. Толку от нее мало – шатается, но для того, чтобы стрелять с расстояния, когда у человека видны белки глаз (это примерно 50 метров), можно обойтись и без нее. Откуда знаю? Приходилось держать в руках – правда, реплику, а не оригинал, но меня уверили, что она идентична образцу. Эти ружья репликами не являлись. Остро заточенные штыки – на новоделах они тупые, – потертые ложа и приклады. Я нагнулся и осторожно понюхал дульный срез ближнего ружья. Из него стреляли, причем относительно недавно. Из ствола несло характерным запахом серы, который оставляет сгоревший дымный порох.

Выпрямившись, я внимательно осмотрел поляну. Теперь взгляд подмечал то, на чем ранее не задерживался. Пара телег с выпряженными лошадьми, одна крытая брезентом фура, тоже без коня, составленные в пирамиды ружья, необычная одежда спавших у костров людей. Не все из них были укрыты шинелями. Зеленые мундиры с фалдами и обшлагами, отделанными сукном такого же, но более темного цвета, белые полотняные штаны с пуговицами по наружным сторонам голеней. Надеты поверх сапог. В головах спящих кожаные ранцы, рядом лежат кивера в холщовых чехлах. Егеря, если не ошибаюсь... Не похоже на лагерь реконструкторов, которые доводилось видеть. Не было современных палаток, мангалов, валяющихся в траве пластиковых и стеклянных бутылок (как же без них?), цветных упаковок и прочих мелочей, говорящих о двадцать первом веке. Здесь царил девятнадцатый. «Полностью аутентичный», – как сказал бы мой приятель Илья, изображавший на сходках реконструкторов гвардейского поручика.

У меня закружилась голова. Некоторое время я стоял, пытаюсь осмыслить увиденное. Мысли носились в голове, как тараканы по кухне алкоголика, и никак не хотели собраться воедино. Как я сюда попал? Почему? И что теперь делать? Так и не придя к какому-либо решению, я потащился к телеге, от которой отправился искать воду. Полежу, подумаю... Не удалось. При моем приближении из-за телеги вынырнула фигура. На незнакомце оказался застегнутый на латунные пуговицы серый мундир с фалдами и такого же цвета штаны, на голове красовалась фуражка с козырьком. Небритое, заспанное лицо...

– Куда-то ходил, барин? – спросил странный тип.

– Пить, – пояснил я.

– Кликнул бы меня, – укорил тип. – Я бы принес.

– Не знал, – пожал я плечами. – А ты кто?

– Фурлейт.

Ага, возчик.

– Звать как?

- Пахом, - сообщил возчик.

- Объясни мне, Пахом, как я оказался здесь?

- Дык, подобрали, - пожал он плечами.

- Где?

- У дороги. Ты, барин, на траве лежал - совсем голый, голова в крови. Мнили, мертвый. Мертвяков у дорог чичас много, - он вздохнул. - Хранцуз наскочит, побьет и обдерет до нитки. Вот и тебя так: сабелькой по головке приложили, одежду сняли и кинули помирать. Не помнишь?

Француз, значит. С эпохой, кажется, определились. Я покрутил головой.

- Отшибло, значит, - заключил Пахом. - Оно и понятно. А может, то не хранцуз был, а лихие люди. Много их чичас. Фельдфебель подошел глянуть, тронул и кажет: «Живой!» Не бросать же христианскую душу? Велел подобрать и положить в телегу. Я тебе своей рубашкой голову замотал. Гляжу: снял и на себя надел?

- Другой одежды у меня нет, - повинулся я. - Раздобуду - верну.

- Ничо! - махнул рукой. - Мы с понятием. Только барской одежи тута нетути.

- С чего ты взял, что я барин?

- Ну, дык... - удивился он. - Сам белый, гладкий, кожа чистая, руки без мозолей - не то, что мои, - он показал большие растопыренные пятерни. - Ты своими ничего тяжелее ложки не подымал, - он усмехнулся.

- Фельдшер я.

- Вона как! - удивился он. - Фершал - человек полезный, в нашем баталионе имеется, а еще лекарь. Только нет их тута. Отбились мы от своих, - он снова вздохнул. - От Салтановки, где с хранцузом бились, одни идем.

Ага!

- Давно бились?

- Дык, третьего дня.

То есть позавчера. Вот и дата подплыла. Бой под Салтановкой случился 23 июля 1812 года по новому стилю. Сегодня 25-е. Салтановка – рядом с Могилевом, ехать до нее всего ничего. Был я там. Часовенка стоит в память о подвиге солдат и офицеров корпуса Раевского. Сам генерал, если верить легенде, шел в наступление впереди солдат, ведя за руки малолетних сыновей. Только не было этого. Старший и вправду был с отцом, но не в первых рядах, а младший, подросток, собирал в это время грибы в лесу. Но и там залетевшая шальная пуля пробила ему штаны. Жаркий бой случился. Французы записали себе победу, поскольку русские отступили. Но в стратегическом плане победили наши. Даву не смог преградить дорогу Багратиону, и 2-я Западная армия соединилась с 1-й у Смоленска. Вернее, пока еще не соединилась – это в августе предстоит.

- Французы нашу роту в лес загнали, – пояснил Пахом. – Много их было. Сидели там до темноты. Потом выбрались, а наших нет. Чичас догоняем.

Понятно... Ладно, с этим позже разберемся. Нужно заняться собой.

- Хочу зашить рану, – сказал я, указав на голову. – Поможешь?

- Дык, не умею, – растерялся Пахом.

- Я сам. Нужны игла с ниткой, бритва, чистая тряпица, вода, зеркало. Хорошо бы хлебного вина. Найдутся?

- Вино у каптенармуса, – почесал в затылке Пахом. – Спрошу.

Он ушел к стоявшей неподалеку фуре и вскоре вернулся с низеньким, плотным мужичком в мундире. Выглядел тот заспанным.

- Зачем вам вино, господин? – спросил хмуро.

– Для дезинфекции, – пояснил я и добавил, увидев непонимание на его лице: – Кожу вокруг раны смазать и иглу с ниткой в нем подержать. Мне мало нужно.

– Ладно, – сказал тот и ушел к фуре. Пахом устремился следом. Вернулся с жестяным стаканом от манерки[2 - Манерка – фляга. Ее жестяной стакан надевался на широкое горлышко.], который бережно нес перед собой. Я забрал стакан у возчика и заглянул внутрь. Внутри болталось граммов пятьдесят прозрачной жидкости. Я понюхал – сивуха. Сгодится. Рядом с телегой нашелся тлеющий костерок. Я выкатил из него веткой уголек побольше, сдул с него пепел и примостил поверх поданную Пахомом иглу – из тех, что называют «цыганскими». Меньшей у возчика не нашлось, что не удивительно. Мундиры на солдатах из грубого сукна, такое тонкой иглой не проткнешь. Тем временем Пахом взял медное ведро и сбегал за водой. К его возвращению верхняя часть иглы раскалилась. Я смочил поданную возчиком тряпицу в воде, обернул ею пальцы, взял иглу за ушко, и уперся острием в ветку. Надавил. Игла легко согнулась – мягкое здесь железо.

– Пошто иголку спортил? – спросил Пахом.

– Не спортил, а приготовил, – ответил я и бросил иглу в стакан. Там коротко пшикнуло. – Сможешь сбрить волосы вокруг раны?

– Не сумлевайтесь, барин! – заверил возчик. – Я его благородие брил. Рука у меня легкая.

Не соврал. Забрав у меня влажную тряпицу, он протер ею кожу вокруг раны и в несколько взмахов опасной бритвы очистил от волос. Обошлось почти без боли. Вот и хорошо. Не то затянет волос в рану, прорастет внутрь – воспаление гарантировано. Я достал из стаканчика иглу, заправил в ушко нитку, и бросил их обратно.

– А сейчас потихоньку лей воду на рану! – велел, наклонившись.

Возчик подчинился. Осторожно действуя тряпкой, я смыл засохшую корку. Почувствовал, как побежала по щеке кровь. Ничего, это не страшно.

– Держи зеркало!

Наблюдая свое отражение в достаточно большом – в половину листа А4 – зеркале в деревянной раме (и как только нашлось?), я протер сивухой кожу вокруг раны и подцепил кончиком иглы кожу на одном ее краю, затем – на втором. Больно, млять! Зашипев сквозь стиснутые зубы, протянул нитку и стянул кожу первым узелком. Подняв с травы бритву, обрезал нитку.

– Давай я буду резать, барин! – предложил Пахом. – Ловчей выйдет.

Я молча протянул ему бритву. Дальше мы работали вдвоем. Стежок (больно, твою мать!), узелок, и бритва в руках возчика режет нитку. Теперь дальше... К концу этой пытки я чувствовал себя, как выжатая тряпка. Сил не осталось – все ушли на терпение. Похоже, что ругался не про себя, а в голос: вон Пахом на меня уважительно поглядывает. После процедуры болела голова, подрагивали руки, но дело сделано. Я протер грубый шов сивухой и обессиленно сел на траву.

– Дурно, барин? – спросил Пахом.

– Ничего, – ответил я. – Спасибо тебе, братец! Помог.

– Ништо! – махнул рукой с зажатой в ней бритвой возчик. – Тебе вино нужно?

– Нет.

Пахом подхватил стаканчик с травы и опрокинул его содержимое в рот. Смачно крякнул и оскалился, показав желтые зубы.

– Деготь найдется? – спросил я. – Березовый?

– Как не быть, – ответил Пахом.

– А масло?

Он задумался.

– То, которым ружейные замки смазывают, – пояснил я.

– У каптенармуса, – сказал Пахом.

– Нужно не больше ложки. И еще мел.

Мел у солдат этого времени должен быть – им пуговицы чистят.

Возчик кивнул и ушел к фуре. Я тем временем отер мокрой тряпицей кровь с лица, затем простирнул ее, плеснув воды из ведерка, и оторвал узкую полоску. Жаль, Пахом водку выпил – пригодилась бы. Не сообразил. Ладно, переживем. Деготь – неплохое средство против воспаления: на его основе Вишневский сделал свою знаменитую мазь, которая в Великую Отечественную много жизней спасла. Вторым компонентом мази стало касторовое масло. Но его даже смешно спрашивать – не завезли еще в Россию клещевину, из семян которой давят касторку. Негде взять и третий компонент[3 - Ксероформ.]. Будем делать из того, что есть.

Вернулся Пахом с глиняной плошкой в одной руке и горсточкой порошка мела в другой. Сопровождал его все тот же плотненький мужичок в мундире. На лице его читалось любопытство.

– Что делать будешь, барин? – спросил каптенармус, подойдя.

– Мазь для заживления ран.

– Эк, как! – удивился он.

Я забрал у Пахома плошку и мел. Он метнулся к телеге, вернулся с глиняным горшочком и поставил его на траву. Я заглянул – деготь, запах характерный. Отсыпав в плошку чуток мела, я вернул остаток Пахому, взял тонкую веточку и обмакнул ее кончиком в горшок. Если не ошибаюсь, пропорция дегтя в мази – одна тридцатая. Точно выдержать не удастся – ну, и ладно. Опустив веточку в плошку, я стал ею энергично мешать. Спустя минуту получил нечто похожее на старый мед, только эта субстанция ощутимо воняла – как в пословице про ложку дегтя и бочку меда. Хм... А ведь это мысль! Мед обладает бактерицидным свойством, и если заменить им масло... Только где ж взять?

Наложив мазь на полоску ткани, я наклеил ее на зашитую рану, предварительно попросив Пахома подержать зеркало. Надеюсь, будет держаться. Бинты просить бесполезно – нет их здесь, иначе не мотали бы рубашку на голову.

Лагерь просыпался, и наша возня привлекла внимание. Несколько солдат подошли ближе и, сгрудившись, с любопытством наблюдали за процессом. Внезапно они раздались в стороны, пропустив вперед широкоплечего, жилистого мужчину в кивере. Его обветренное, загорелое лицо украшали пышные полубакенбарды, а вот усов не было совсем – как, впрочем, и у солдат. Не положено их пехоте, только кавалеристам.

– Что тут? – спросил жилистый, хмуро глянув на Пахома.

– Барин себя лечит, господин фельдфебель! – торопливо доложил возчик. – Рану на голове зашил, потом мазь сделал и сверху наклеил, – он ткнул пальцем в полоску на моей голове.

– Разумеешь в лекарском деле? – посмотрел на меня фельдфебель.

– Фершал он! – сообщил Пахом.

Я подтвердил его слова кивком.

– Раненых глянешь? – спросил фельдфебель.

– Показывайте! – согласился я.

Меня отвели в дальний конец поляны, где на расстеленных шинелях лежали три солдата. Я удивился такому малому числу, но потом вспомнил. В этой войне русская армия, отступая, будет оставлять раненых, поручая их местным жителям или «человеколюбию неприятеля», как писал классик[4 - Лев Толстой, «Война и мир»]. Человеколюбием французы не страдали, хотя раненых не трогали. Как, впрочем, не слишком лечили и кормили. Самим жрать было нечего, да и лекарств не хватало. Повезло тем, кого взяли к себе и смогли выходить местные жители, остальные просто умерли – и таких было подавляющее большинство. Хотя это будет позже, а пока русские армии отступают организованно и раненых не бросают. Значит, остальные погибли.

Осмотр троицы егерей подтвердил предположение: раны оказались не тяжелыми. Две штыковых – в плечо и в бок, последняя – не проникающая. У третьего егеря пуля разорвала широкую мышцу на спине, не повредив кости. Я вытребовал у каптенармуса еще водки, промыл и зашил раны. Затем смазал швы остатками мази и налепил поверх тряпицы. Егеря выдержали мои манипуляции стоически: ни стоны, ни мата.

– Благодарствуйте, барин! – сказал один, и другие нестройно присоединились.

– Идем! – сказал фельдфебель, когда я закончил.

Меня отвели к повозке. Внутри на сене лежал офицер. Это было видно по эполетам и нагрудному знаку. Эполеты без бахромы, позолоченный знак несет серебряного двуглавого орла. Если не ошибаюсь, капитан[5 - Герой ошибается: штабс-капитан. У капитана офицерский знак имел вдобавок посеребренный ободок.] – наверное, командир роты. Левое бедро замотано тряпками прямо поверх панталон, на них – засохшее пятно крови. Выглядел офицер неважно: бледное лицо в капельках пота, обметанные губы. Нас встретил взглядом, в котором читалась боль.

– Вот, ваше благородие, – доложил фельдфебель, – фельдшер сыскался. Себе голову зашил, Курихина, Савушкина и Петрова лечил. Разбирается вроде.

– Точно фельдшер? – спросил недоверчиво капитан.

Ну да, видок у меня еще тот. Голова залеплена, кровь на рукаве... Вернее, на груди – обляпался, когда раны шил.

– Да, – сказал я.

– Звать как?

– Платоном. Платон Сергеевич Руцкий.

– Дворянин?

В глазах его полыхнуло удивление.

«Да!» – едва не сказал я, но вовремя спохватился. Дворяне здесь все посчитаны и внесены в списки, что не удивительно – привилегированное сословие. Узнают, что соврал, – гарантированный билет в Сибирь. Если, конечно, не убьют раньше...

– Мещанин города Могилева.

– Sur la route comme il s'est avéré[6 - На дороге как оказался?]? – внезапно спросил капитан по-французски.

– Fuir les Français[7 - Убегал от французов.], – ответил я на том же языке.

– Pourquoi[8 - Почему?]?

– Je suis russe[9 - Я русский.].

– Для мещанина Могилева ты слишком хорошо говоришь на французском, – скривился офицер.

– Долго жил за границей. Во Франции и... – я едва не сказал «в Германии». Нет здесь такой страны. Есть Пруссия, а также мозаика из немецких княжеств, герцогств, владений епископов, которые Наполеон в большинстве своем ликвидировал, создав основу для будущего объединенного государства. Поэтому промолчим. – Кельне. Недавно вернулся в Россию. А тут война...

– Ладно, – сказал капитан. – Позже поговорим. Пулю из ноги достать сможешь?

– Инструмент нужен.

– Где я его тебе возьму? У нас ни бинтов, ни корпии[10 - Корпия – нащипанные из ветхой ткани нити, которые в то время использовались вместо ваты.]. Вообще ничего.

Я задумался. Рана у капитана, похоже, слепая. Извлечь пулю можно зондом, но вот взять его негде. Разве что...

- Гвоздь найдется? – спросил у фельдфебеля. – Вот такой, – показал пальцами.

- Зыков? – обернулся тот к каптенармусу, маячившему за нашими спинами.

- Сей момент! – выпалил тот и убежал. Обрато вернулся с длинным кованым гвоздем. Я взял его и рассмотрел. Тяжелый. Где-то «стопятидесятка» по-нашему. Четырехгранное тело, квадратная шляпка – не маленькая. Подойдет.

- Нужно обрубить шляпку с трех сторон, – показал я фельдфебелю. – Края загладить оселком, как и сам гвоздь, чтобы тот стал гладким и блестел. Здесь не тереть, – я ткнул пальцем во внутреннюю часть шляпки. – Сделаете?

Фельдфебель кивнул.

- Еще понадобятся хлебное вино, чистые тряпки и вода. Ее нужно вскипятить и остудить. Люди в помощь.

- Сделаем, господин!

Фельдфебель с каптенармусом ушли.

- Беретесь, Платон Сергеевич? – спросил меня офицер.

- Да, ваше благородие.

- Семен Павлович Спешнев. Вы не военный человек, обращайтесь ко мне по имени-отчеству. Приходилось доставать пули?

- Да, – соврал я. – Но предупреждаю: будет больно.

- Ничего! – махнул он рукой. – Потерплю. Только сделайте, не то помру. Лихорадка бьет.

Подошли присланные в помощь егеря. Втроем мы вытащили капитана из повозки и уложили на разостланную на траве шинель. Я размотал накрученные поверх раны тряпки – последний слой пришлось отдирать, и приказал стащить со

Спешнева сапоги, рейтузы и нижнее белье. Егеря проделали это ловко и бережно. Капитан выдержал пытку молча, только зубами скрипел. Я склонился и рассмотрел кроващую рану на бедре. Края красные, с синеватым оттенком, но черноты нет. Потрогал пальцем припухлость. Горячая: организм борется. Взяв снятые с капитана рейтузы и кальсоны, изучил проделанное пулей отверстие. М-да... Вырванные пулей куски ткани в ране. Плохо.

Тем временем вернулись фельдфебель с каптенармусом. Мне вручили надраенный до блеска гвоздь, превращенный в зонд. Нормально сделали, сгодится. Я ополоснул его водой и воткнул шляпкой вниз в стакан с хлебным вином, который по моему знаку наполнил каптенармус.

- А теперь его благородие пусть выпьет, - указал на манерку с водкой в руках каптенармуса. - После чего дайте ему в зубы ремень, не то раскрошит их, когда стану доставать пулю.

Указание выполнили беспрекословно: даже капитан послушно заглотив водки из манерки, после чего сжал зубами ремень. Вот и хорошо. Я помыл руки в теплой кипяченой воде, намочил в ней тряпицу и отер от крови края раны. Следом прошелся водкой. Взял гвоздь-зонд. Ну, с Богом!

Инструментальное зондирование раны нужно делать быстро - меньше мук для пациента. Зонд резко вошел в рану (капитан дернулся и замычал) и где-то на половине своей длины уперся в нечто твердое. Ага! Теперь зонд в сторону, подцепить и аккуратно тащить к себе... Кровавой сгусток, в котором с трудом угадывалась пуля, показался над кожей бедра, я подхватил его пальцами левой руки и вытер о тряпицу. Внимательно рассмотрел. Не повезло: удалось достать только пулю, тряпки остались внутри. Об этом говорило и отсутствие обильного кровотечения из раны.

- Достал? - спросил меня капитан, выплюнув ремень и приподняв голову.

- Пулю - да, - сообщил я, показав ему свинцовый кругляш. - Но в ране остались вырванные ею куски рейтуз. Нужно извлечь, не то приключится Антонов огонь. Потерпите еще.

- Давай! - обреченно кивнул капитан и сам сунул ремень в рот.

В этот раз следом за сгустком из раны толчком выплеснулась кровь – темная, венозная. Замечательно: артерия не задета – я этого боялся больше всего. Затампонировав рану тряпицей, я промыл сгусток в воде. В пальцах он расслоился на два кусочка. Все. Протерев края раны водкой, я забинтовал ногу.

– Кладите его благородие в телегу, – сказал егерям.

– А рейтузы? – спросил фельдфебель.

– Пока не надевать.

– Наскочит француз, а я с голым задом, – проворчал капитан. Надо же! Я думал, что он без сознания – отключился при втором зондировании.

– Нужно будет менять повязки, – сказал я. – Каждый раз снимать рейтузы? Для начала их нужно постирать – все в крови.

– Хорошо, – кивнул капитан. – Синицын! – он посмотрел на фельдфебеля. – Фельдшера накормить, одеть и обуть. Найдешь, во что?

– Подыщем, ваше благородие! – кивнул фельдфебель.

– Обращаться с ним уважительно. Он сын дворянина.

Капитан вздохнул и закрыл глаза. Егеря бережно подняли его с земли и положили в телегу, прикрыли шинелью. Я стоял в недоумении. С чего Спешнев взял, что я сын дворянина? Через мгновение пришло осознание, что туплю. Во-первых, имя дворянское. Есть здесь негласная традиция. Детей крестьян и мещан не называют Платонами – так же, как, скажем, Александрями, Павлами и Николаями. Поп не позволит. Вот Пахом или Силантий – пожалуйста. Отчество у меня тоже «благородное». Я говорил с капитаном по-французски, а ему учат только дворян. Нет, дворня помещика тоже может знать язык, но слуг не зовут Платонами...

Кто-то осторожно тронул меня за локоть. Я оглянулся – фельдфебель.

– Идемте, господин фельдшер!

– Как тебя звать, Синицын? – спросил я.

– Антипом.

– А по отчеству?

– С отчеством не положено, – хмыкнул он. – Я не дворянин.

– А все же?

– Потапович.

– Можно мне так звать?

– Коли желаете, – пожал он плечами.

– Тогда идем, Антип Потапович...

2.

Печет... Лето 1812 года в России выдалось необыкновенно жарким, с ливнями и грозами. Была даже буря, которая, если верить историкам, сократила армию Наполеона на несколько тысяч человек. Они умерли, не выдержав льющихся с неба потоков воды и ветра. Ну, не знаю... Историки, симпатизирующие Наполеону, пишут об огромных небоевых потерях «La Grande Armee»[11 - Великая армия (фр.)] уже в первые дни войны. Мол, солдаты тысячами умирали от голода, диареи, холода (летом!), и их трупы валялись вдоль дорог, отмечая путь захватчиков вглубь России. Если это действительно так, то можно радоваться, хотя шагать по дороге в такое пекло хреново. Мне еще ничего – одет легко. Каптенармус выдал мне нижнюю рубаху с кальсонами и егерские полотняные панталоны на пуговицах. Жарко, но егерям хуже. На них суконные мундиры, на головах – тяжелые, кожаные кивера. Они, между прочим, защищают голову от удара саблей – эдакие каски этого времени. На плечах егерей ружья весом в 4,5 килограмма, сбоку на перевязи – тесак, он же

полусабля (1,2 кг), за спиной – ранец с манеркой, поперек груди – шинельная скатка, сбоку – сумка с патронами и прочими принадлежностями. Каждый тащит на себе килограммов двадцать, если не больше. Сложить вещи в повозки нельзя: мало их у остатков роты, много меньше, чем положено по штату. Почему, можно не спрашивать: от Салтановки отступают. К тому же коней следует беречь. Лошадь – существо нежное: перегрузишь – отбросит копыта. Это человек будет тащить, он выносливее. Поэтому все, кроме раненого капитана, топают пешком, в том числе и я. Пахом и другие возчики, то бишь фурлейты, вышагивают рядом с повозками. Идут раненые, которых я лечил, – их только разгрузили от поклажи и иногда подсаживают в повозки. М-да... У нас бы прописали постельный режим и носили еду в палату. Крепкие люди в этом времени.

Топаю босиком: обуви у каптенармуса не нашлось. И без того грех жаловаться: одели, накормили. Отвели к костру, где я вместе с егерями похлебал из котелка жидкой гречневой каши и загрыз ее черным сухарем. Обычная пища русских солдат. Казна выдает им муку и крупу – это все[12 - В день солдат получал от казны около килограмма муки, из которой выходило примерно 1,5 кг хлеба, и полстакана крупы (измерялась объемом). Из чего следует, что основным продуктом питания солдата был хлеб – как, впрочем, и в Европе.]. Хочешь щей? Покупай капусту и картошку за счет ротных артельных сумм, которые формируются из заработанных вольными работами средств, вычетов из жалований и наградных денег. Нет их? Тогда хлеб и каша. А вот английскому солдату в этом времени, помимо хлеба, дают рис, горох, овощи, мясо. Выпивка – каждый день: пол-литра вина или стакан бренди. И платят ему в одиннадцать (!) раз больше. Откуда знаю? Читал. Русскому солдату мясо и водка положены только в войну[13 - В обычной пехоте ? фунта мяса или рыбы три раза в неделю и чарка (0,13 л) водки четыре раза в неделю. Крепость водки в то время обычно не превышала 20 градусов. В гвардии выдачи были чаще.]. И почему я не попал в Англию?

Ладно, не пищим – спасибо и на этом. Еще каптенармус выдал мне сумку на ремне через плечо и манерку. Кроме нее, в сумке лежат пара тряпок, иглы с нитками, в том числе согнутая мной для шитья ран, гвоздь-зонд и черный сухарь. Вот и все имущество.

Босиком идти не в натяг. Грунтовую дорогу покрывает толстый слой пыли; она мягкая, теплая и приятно скользит между пальцами. А вот то, что десятки ног взбивают ее вверх, и она липнет к потному лицу, лезет в глаза, нос, рот... Ладно, переживем. Главное, голова почти не болит, сотрясения мозга не наблюдается.

Я, кстати, вспомнил, как получил рану. Случилось это после того, как меня сюда выбросило. Я стоял, недоуменно оглядываясь по сторонам, как вдруг на дороге показались всадники в странной одежде. Один из них направляет лошадь ко мне, выхватывает из ножен саблю, блеск стали, удар... Очнулся я уже в телеге.

По всему выходит, что попал я сюда не голышом – меня ударили саблей и ограбили до нитки, сняв даже носки. С обмундированием и обувью у «Grande Armee» плохо – поизносились и обтрепались, пока шли по Европам, вот и разбойничают на дорогах. Прав Пахом... Кто-то из французских кавалеристов сейчас щеголяет в куртке с надписью «скорая помощь» на спине. Что еще на мне было? Тонкий джемпер под горлышко, форменные брюки, белье и кроссовки. В карманах: бумажник, ключи и смартфон. В бумажнике – несколько купюр, банковская карта, проездной и немного мелочи. Не разжились французы. А вот смартфон жалко – недавно купил. Отличный экран с диагональю в шесть дюймов, быстрый процессор, емкая батарея. Правда, толку от него здесь... Императору России звонить? Сарказм.

Хрен с ними, бумажником и смартфоном, мне-то что делать? Как жить в этом мире, куда меня выбросила в момент аварии непонятная сила? «Повезло» мне попасть из аварии на войну. У себя я бы, наверное, погиб, но и здесь выжить трудно. Для чего неведомый кто-то зашвырнул меня в 1812 год? Помочь предкам выиграть войну? Смешно. Они и без меня прекрасно справятся. 12 июня Наполеон вторгся в Россию, форсировав Неман, а к декабрю ноги захватчика не останутся на русской земле. «Grande Armee» перестанет существовать. Наполеона прижмут к Березине, и он едва выскользнет из окружения, бросив остатки своего войска. Сотни тысяч французов, поляков, немцев и итальянцев останутся лежать в русской земле. Но и наших погибнет много, причем не только солдат. Огромные потери будут среди мирного населения. Французы отберут у них еду и одежду, разрушат или сожгут дома, люди будут умирать от голода и холода...

Могу ли я их спасти? Как? Кто станет слушать нищего оборванца? Я здесь никто, и звать меня никак. Представим, что являюсь я к главнокомандующему объединенной армией Барклаю де Толли и объявляю: так, мол, и так, Михаил Богданович, позвольте представиться: попаданец из 21 века. Неплохо знаю историю Отечественной войны, поэтому могу уберечь вас от ошибок в этой кампании. Первым делом перестаньте чистить ружья толченым кирпичом...[14 - Сарказм, если кто не понял. Отсылка к рассказу «Левша». Толченым кирпичом стволы ружей в то время не чистили.] Три раза «ха»! Во-первых, к Барклаю меня

не допустят – рылом не вышел. Хуже того, примут за сумасшедшего и пристроят на цепь в скорбный дом. Во-вторых, Михаил Богданович и без меня прекрасно знает, что делать. Он – лучший стратег русской армии. Благодаря ему она не стала ввязываться в генеральное сражение, в котором ее бы уничтожили, а отступала в полном порядке, растягивая коммуникации противника, что впоследствии и положило конец «Grande Armee». От голода и холода захватчиков сдохло больше, чем от русских пуль и штыков. Заслуги Барклая потом приписали Кутузову, хотя тот просто не стал менять стратегии предшественника, хотя его к этому понуждали. Мудрый был старик...

Что еще можно сделать? Полевую кухню «изобрести»? Читал я о таком. Солдаты, дескать, были в восторге, генералы – тоже. Глупо изобретать то, что уже есть. В порядках «Grande Armee» движутся десятки полевых кухонь. Почему не больше? Дорого. Если французам, которые ограбили Европу, не по карману, что говорить о России? У нее и без того на армию уходит 70 % государственного бюджета, потому экономят, как могут. Полкам нередко выдают сукна и кожи, а уж те сами шьют мундиры и тачают сапоги. Промышленность России массовый выпуск кухонь не потянет, она и с производством ружей не справилась – часть пришлось закупать в Британии и Австрии. Хотя русские ружья хороши – надежней французских.

Отсюда вывод: в политику и изобретательство не лезем. Задача: выжить. Для этого нужно находиться при армии. Отстанешь – и кавалеристы Наполеона довершат начатое. Эвакуируешься в тыл – сдохнешь. Если не от голода, то в тюрьме. Документов у меня нет, капитану я назвался мещанином Могилева, а это подозрительно. Население бывших польских земель встретило французов цветами, и в России об этом знают. Шпиономания в тылу цветет. В лучшем случае, сошлют в Сибирь, в худшем – выдадут на расправу толпе. Были такие случаи. Думаете, почему следом за отступавшей из Москвы армией Наполеона тащились тысячи французских артистов, парикмахеров, портных и других гастарбайтеров из Европы? Ничего хорошего их не ждало. Припомнили бы им восторженную встречу французских войск. Судьба беглецов сложилась печально – из России вырвались единицы, остальные остались лежать у обледенелых дорог. Мужчины, женщины, дети... Так что – нет, машем и улыбаемся.

Теперь второе. Кем я могу быть в армии? Фельдшером? Как бы не так! Во-первых, документов нет, квалификацию не подтвердить. Во-вторых, она у меня совершенно другая. Что я знаю о лекарствах начала 19 века? Ничего. Что

лекарства! В интернете я видел полевой набор хирургических инструментов этого времени. Из них опознал только скальпель. Что делать остальными, понятия не имею. Устроят мне экзамен, зададут пару вопросов, затем нагнут и дадут пинка. Медицинская стезя исключается.

Вступить в армию? Мещанина, которым я назвался, вольноопределяющимся не возьмут. Это привилегия других сословий. Только в рекруты. Дадут ружье, поставят в первую линию пехоты, а там – ядро, картечь или штык. Даже если уцелеешь – 25 лет службы. Через 4 года можно стать унтером, через 12 – офицером, после чего получить право на отставку и выйти в нее нищим. Подавляющее большинство офицеров русской армии служат ради жалованья и других доходов не имеют, несмотря на то, что 90 процентов из них – дворяне. Приходилось читать об Аракчееве – том самом, графе, военном министре и начальнике Императорской канцелярии. Пожелав стать офицером, подросток упрямил отца отдать его в кадетское училище. Отец продал все, что мог, наскреб 50 рублей, и они отправились в Петербург. Вопрос с зачислением затянулся, Аракчеевы сэкономили, как могли, но через полгода остались без денег. Голодали. Наконец, решились сходить в монастырь и попросить помощи. Там им дали рубль, и они жили на него неделю, пока вопрос с зачислением, наконец, не решился. И это помещики! Что говорить о дворянах, поместий не имеющих? Их в армейской среде большинство.

Так что мундир – по боку. Следующий вопрос: можно ли находиться при армии гражданскому – статскому, как здесь говорят? Запросто. В этом времени – обычное явление. Офицеры имеют слуг, армию сопровождают маркитанты (во французской армии они в каждой роте), прочие любители заработать на войне. К этому привыкли и не обращают внимания. Осталось договориться со Спешневым. Сомневаюсь, что станет возражать. Ни один нормальный командир не откажется от внештатного фельдшера, который уже доказал свою полезность. Мне много не надо: еда, одежда и защита. Далее посмотрим.

Осталось определиться с происхождением – здесь с этим серьезно. Общество разделено на сословия, у каждого свои обязанности и права. Лучше всего дворянам: налоги не платят, служить не обязаны, хотя многие служат. Причину смотри выше. Спешнев признал меня сыном дворянина, пусть так и остается. Значит, я бастард. Отношение к ним лояльное: многие дворяне имеют внебрачных детей. Другое дело, что не всех официально признают. Ну, раз отчество у меня дворянское, признание отцом состоялось. Фамилия... По местным обычаям, бастардам дают производную от отцовской, сократив ее на

слог или букву. Отец Репнин, сын – Пнин. От Трубецких пошли Бецкие, от Голицыных – Лицыны. Ну, и кто у нас папаша? Князь Друцкий! Род многочисленный, их как собак нерезаных. Друцкие-Соколинские, Друцкие-Озерские, Прихабские, Любецкие, Горские... Есть российские, литовские и белорусские ветви. Если с первыми все ясно: они числятся в Бархатной книге, то вторые стали подданными России относительно недавно. Не всем удалось отстоять право на княжеский титул – обычное дело в этом времени. После раздела Польши в России охренели: каждый четвертый подданный на вновь приобретенных землях числился шляхтичем, то есть дворянином. В Польше с этим просто: взял саблю и пошел воевать – значит, шляхтич. Ничего, что штаны драные и спишь на соломе, зато никто не смеет назвать тебя «быдлом». Такое количество новых дворян Екатерину II не устроило, и она повелела считать ими только тех, кто представит подтверждающие происхождение документы. У многих таковых не оказалось, случилось немало обиженных. Часть из них уехала за границу, среди них и был мой гипотетический папаша. Хотя нет: политику лучше не трогать. Папаша уехал за границу по личным причинам, такое поймут. Скажем, из-за любви к моей матери. За границей я родился и вырос, получил профессию и знание иностранных языков. На это можно списать и незнание российских реалий. Остальное придумаем позже – топтать нам долго.

Приняв решение, я повеселел и тихонько запел. Рота выбралась на лесную дорогу, заросшую травой. Здесь, под деревьями, пыли не было, так что она не мешала. Я энергично напевал, размахивая руками. Под песню идти веселее, этому еще в армии научили. А что вы думали? Я служил. Честно оттянул положенные полтора года в легендарной в/ч 3214[15 - Спецназ внутренних войск Беларуси.], в медицинский колледж поступил после дембеля. Приняли без проблем: с мужиками в таких заведениях напряг, а тут бравый сержант в краповом берете, весь из себя такой красивый. Шутка... Вообще-то я собирался стать врачом, но в университет поступить не удалось: в медицинские вузы конкурс атомный. Загребел в армию, а после службы решил, что синица в руке лучше, чем журавль в небе...

– Что вы такое поете, Платон Сергеевич?

Оп-па! Забыл, что шагаю рядом с повозкой, в которой везут раненого капитана, вот тот и услышал. Я-то думал: Спешнев в беспамятстве или спит. Крепкий мужик. Выдержать такую операцию без наркоза, да еще окружающим интересоваться!

- Да так, Семен Павлович, песенку одну.

- Похожа на строевую, но слова незнакомые.

У него еще и слух отменный!

- Сам сочинил.

- Пойте громче, если не затруднит. Люди приустиали, идти еще долго, будет веселее.

Ладно, сами напросились. Я набрал в грудь воздуха и заорал:

- Путь далек у нас с тобою,

Веселей, солдат, гляди.

Вьется, вьется

Знамя полковое,

Командиры - впереди,

Солдаты - в путь, в путь, в путь...

Командир нашей роты любил строевые песни советских времен и заставлял их разучивать. А что делать, если лучше них не написали? Мы орал их на плацу и на пути к стрельбищу. А что? Слова подходят и для этого времени, хотя припев нужно изменить. Нет тут полевой почты для солдат. Забрали в рекруты - считай, умер для родных. Для солдата семьей становится армия...

В бой за тебя, святая,

Отчизна дорогая,

Багратион ведет.

Солдаты - в поход...

Мне показалось, или егеря вправду зашагали веселее? Багратиона, командующего 2-й армией, в войсках любят. Есть за что. Узнав, что Неверовский[16 - Генерал-лейтенант Неверовский Дмитрий Петрович, герой Отечественной войны 1812 года.], получив под начало полк, запретил в нем телесные наказания, Багратион пришел в восторг и рекомендовал своим офицерам распространить эту практику в подчиненной ему армии.

Каждый егерь – воин бравый.

Смотрит соколом в строю.

Породни... роднились мы со славой,

Славу добыли в бою.

Солдаты – в путь, в путь, в путь...

К концу последнего припева я слегка охрип, поэтому, закончив, достал манерку из сумки, стащил с горловины стакан и жадно отхлебнул. Сначала прополоскал рот от пыли, сплюнул, и только затем напился теплой воды.

– Славная песня, – сказал наблюдавший за мной Спешнев. – Что, вправду, сами сочинили?

– Приходилось такую слышать? – ответил я по-еврейски.

– Нет, – сказал он, – необычная больно. У нас так не поют. Не возражаете, если прикажу солдатам перенять слова? Думаю, им понравится. Про егерей хорошо сказано и про командующего. Кстати, Платон Сергеевич, могу поклясться, что вы прежде носили мундир. Шагаете привычно, песню поете ловко. Я прав?

М-да, спалился. И вот что ответить?

– Ничего не желаете рассказать? – продолжил Спешнев.

– С вашего разрешения, позже, Семен Павлович. С глазу на глаз.

А то возчик встрепенулся и уши греет. Да и ближние егеря оборачиваются.

– Хорошо, – кивнул капитан и закрыл глаза.

Мы прошли еще километра полтора (версту – нужно отвыкать от привычных мер), когда от головы колонны к телеге подошел фельдфебель.

– Ваше благородие! – доложил Спешневу. – Передовой дозор углядел: лес кончается. Впереди луг и река. Дорога ведет к ней – значит, брод имеется. Дозвольте встать на дневку. Лошади притомились, да и люди тоже.

– Вставайте! – разрешил Спешнев. – Лошадей распрячь, напоить и пустить пастись. Егерям помыться и варить кашу. Выполняйте!

– Слушаюсь! – козырнул фельдфебель и ушел обратно. Егеря, услышав об отдыхе, повеселели и зашагали бодрее. Я – тоже. Тело чесалось от налипшей на кожу пыли и желало скорей окунуться в воду. Знать бы тогда, чем это кончится!

?

Для дневки фельдфебель выбрал поляну у края леса, раскинувшегося на высоком берегу поймы безвестной речушки. До нее метров триста. Малоезженная, заросшая травой дорога спускалась по склону к поросшим кустарником берегам, между которыми блестела неширокая полоса воды. Едва прозвучала команда остановиться, как я рванул к ней. Подбежав, стащил с себя сумку, пропотевшую одежду и ухнул в воду. Ну, как ухнул? Речушка оказалась мелкой, едва до пояса, так что просто присел. Зато дно оказалось песчаным, а вода – теплой.

Фыркая, как лошадь, я умыл лицо, шею и уши, затем осторожно, стараясь не зацепить рану, смахнул мокрой ладонью пыль с волос. Мыть их пока нельзя – занесу инфекцию в рану. Выполнив необходимые манипуляции, я растянулся во весь рост на мелководье. Вода, журча, обтекала меня с боков. Подплыли наглые пескари и стали тыкать носами в ступни, исследуя возникший объект на предмет пожрать. Я отгонял их ленивыми движениями ног. Они порскали в стороны, но затем возвращались. В прозрачной воде их попытки чего-то от меня откусить просматривались отчетливо. От такой идиллической картины внутри поселилось умиротворение, я на некоторое время забыл обо всем и предался неге.

Тем временем вокруг кипела жизнь. Егеря, сняв сапоги и закатав штаны до колен, заходили в реку, умывались, пили, наполняли чистой влагой манерки, ведра и котелки. Занимались они этим ниже по течению, и я оценил их деликатность – не стали пускать муть на барина. Скоро река и берег опустели – егеря потянулись к стоянке. Пора и мне. Нужно осмотреть раненых, пожевать, чего дадут, а потом... Дальше меня ждал неприятный разговор с капитаном, и я, как мог, оттягивал его. Что сказать Спешневу? Человек он глазастый и жизнью битый. На вид лет сорока. Если учесть, что дворяне на службу идут юнцами, то армейскую лямку капитан тянет не одно десятилетие. Такого на кривой козе не объедешь. Наверняка воевал – Россия начало 19 века провела в сплошных войнах. Шведы, французы, турки... С последними перед вторжением Наполеона едва успели заключить мир, иначе имели бы два фронта – на западе и юге.

Выйдя на берег, я отряхнул штаны от пыли, а вот рубаху и кальсоны решил простирнуть. Вернулся в реку, прополоскал, отжал. Бросив влажное белье на плечо, вышел из воды и натянул штаны. Подобрал сумку и двинулся по дороге к стоянке. Шагало легко. Вокруг расстилался заросший высокой травой луг, летали бабочки и стрекотали кузнечики. Благодать. Со стороны лагеря шума не доносилось: его, видимо, отсекал высокий берег поймы. Не было видно и дыма костров, хотя их зажгли наверняка. То ли хворост собрали сухой, то ли деревья рассеивали дым. Впечатление, что я один-одинешенек на лугу. На миг стало страшно: а вдруг егеря ушли, бросив меня здесь? И вот что в таком случае делать? Пропаду. Мотнув головой, я отогнал глупую мысль. Не бросят. На дороге беспмятного подобрали, а уж теперь...

С правой стороны донесся топот копыт. Я повернул голову. Огибая высокий берег поймы, наперерез мне скакали три всадника. Я присмотрелся. Голубые мундиры с серебряной шнуровкой на груди, кивера с султанами, на левом плече – такие же голубые куртки. «Гусары, одеты в доломаны и ментики», – подсказала память. А еще вспомнилось: скачущий ко мне от дороги всадник, выхватывающий саблю. На нем был такой же голубой мундир. Французы!

Отбросив белье и сумку, я, что есть сил, рванул по дороге. Французы заметили это, закричали и пришпорили лошадей. Скакавший впереди выхватил саблю и выбросил ее вперед на вытянутой руке. Я несся во все лопатки, боковым зрением не выпуская всадников из виду. Расстояние между нами стремительно сокращалось, и я надал. Не знаю, откуда взялись силы, но я взлетел по склону, будто пришпоренный жеребец на скачках. Отчетливо слыша за спиной топот копыт и крики преследователей, я вынесся на поляну и метнулся к ближайшей

пирамиде из составленных ружей. Схватил ближнее и, молясь, чтобы ружье оказалось заряженным, оттянул тугой курок. Тем временем первый гусар уже показался на поляне. Махая саблей, он скакал ко мне. Я вскинул ружье к плечу и навел кончик ствола на всадника. Ловить глазом мушку не было времени. Нажал на спуск.

Бах! Ружье пыхнуло дымом и лягнуло меня в плечо. Гусар, уже подскакавший совсем близко, выронил саблю и свалился на шею коня. Но второй француз, обогнув лошадь убитого, был уже совсем рядом. Вытянутый вперед клинок сабли сверкнул в лучах солнца. Сейчас... Руки внезапно сами развернули ружье штыком назад, и я со всей дури врезал железным затыльником приклада по храпу подскакавшей лошади. Обоюдный удар оказался так силен, что ружье едва не вырвало из рук. Лошадь жалобно вскрикнула, села на задние ноги и повалилась на бок, прижав крупом ногу всадника. Я развернул ружье штыком вперед, прыгнул ближе и выбросил его вниз. Штык вошел французцу ниже ремешка, удерживавшего кивер, и, пронзив язык, верхнее небо и мозг, застрял в кости черепа. Бросив ставшее бесполезным ружье, я выхватил из седельной кобуры французца пистолет и взвел курок. Все это я проделал в считанные мгновения, не отдавая себе отчета в действиях. Мною будто кто-то руководил.

Третий гусар, увидев смерть товарищей, нападать не стал. Подняв коня на дыбы, развернулся и поскакал обратно. А вот хрен тебе, не уйдешь! Я вытянул руку с пистолетом. Бах! Серый пороховой дым на миг заволок обзор, но быстро рассеялся, и я увидел лежащего недвижно на траве французца. Повод он не выпустил из рук, и лошадь топталась рядом с телом, испуганно всхрапывая.

Я выронил пистолет и опустился на траву. Меня трясло, окружающее исчезло: картины, звуки, запахи. Я не знал, сколько это продолжалось. Первым возвратился слух. Послышались крики и топот ног, они приближались.

– Рота, в две шеренги становись! – раздалась за спиной команда. – К отражению кавалерийской атаки товсь! Передняя шеренга – на колена! Стрелять по команде.

Я оглянулся. Неровные шеренги егерей, оцетинившись штыками, застыли в нескольких шагах от меня. Впереди с тесаком в правой руке стоял фельдфебель. Я поднялся и шагнул к нему.

- Не нужно, Антип Потапович: их трое было.

Он недоверчиво глянул на меня.

- Проверить не мешает, - согласился я.

- Петров, Зайцев - посмотреть!

Два егеря выбежали из строя и с ружьями наперевес устремились к краям поляны. Обратно вернулись спустя минуту. Все это время строй стоял молча, поблескивая металлом штыков.

- Не видно никого, - доложил подбежавший к фельдфебелю егерь из числа разведчиков. - Пустой луг.

- Гляньте этих! - фельдфебель указал тесаком на валявших на траве французов. - Фролов!

Раздалась команда, и из строя выбежало несколько егерей. Они стали ворочать гусар; один, поднатужившись, вырвал застрявшее в черепе француза ружье, затем несколько раз воткнул штык в землю, очищая его от крови. От этой картины меня вновь затрясло.

- Покойники, - доложил фельдфебелю подошедший унтер. - Лошади тоже каюк.

- Силен ты, Платон Сергеевич! - покрутил головой Синицын. - Трех гусар уложить, да еще коня... А говоришь: фельдшер. Откуда этих французов принесло?

- Вюртембергских гусар, - сказал я, - это их мундиры. Они ограбили меня на дороге.

- Сквитался, значит, - заключил фельдфебель. - Но ловок, ловок.

- Не в службу, а дружбу, Аким Потапович, - попросил я. - Когда от гусар удирал, сумку и одежду на лугу бросил. Пошли кого-нибудь подобрать, а то у меня ноги не идут.

На самом деле мне было страшно возвращаться на луг.

- Сделаем! - кивнул Сеницын.

По его команде строй рассыпался, и егеря занялись трофеями. Уцелевших лошадей увели, покойников отволокли в сторону, двое егерей подошли к убитой лошади и принялись ее разделывать. Правильно. Мясной приварок солдату не помешает, а конина станет основным блюдом у противоборствующих армий - как у французов, так и русских. Отойдя в сторону, я наблюдал за этой суетой, не вмешиваясь. Подбежавший егерь принес брошенное мною на лугу белье и сумку. Я оделся. Мокрая рубаха и кальсоны охладили тело, вызвав кратковременный озноб. Подошел фельдфебель.

- Командир желает тебя видеть, - сообщил строго.

- Идем! - кивнул я. - Кстати, Аким Потапович. Лошадиную печень сварите отдельно и дайте раненым, в том числе командиру - помогает при потере крови.

- Будет, - пообещал фельдфебель, и мы пошли.

Спешнева я увидел все в той же повозке. Он сидел, опираясь спиной на борт и подложив под нее шинель. Выглядел неплохо. Умылся, отряхнул пыль с мундира (не сам, конечно, - помогли), и сейчас смотрел на нас глазами, в которых более не читалось страдания. Похоже, лечение помогло.

- Вот, ваше благородие! - доложил фельдфебель, поднеся ладонь к киверу. - Доставил по вашему приказанию.

- Свободен! - кивнул капитан.

Сеницын вновь козырнул, повернулся через плечо и удалился.

- Подойдите ближе, Платон Сергеевич! - сказал капитан и продолжил после того, как я подчинился: - Сеницын доложил мне, что вы в одиночку справились с тремя гусарами, двоих из которых застрелили, а одного закололи штыком. Если б это сказал кто-то другой, не поверил бы, но фельдфебель врать не будет - не один год его знаю. Как вам удалось?

- Со страху.

Он изумленно уставился на меня.

- Испугался, когда гусары погнались за мной. Вспомнил, что они сделали со мной на дороге. Бежал так, что дух захватило. На поляне схватил первое же попавшееся ружье, которое, на счастье, оказалось заряженным. Дальше вы знаете.

- Ох, Платон Сергеевич! - покачал он головой. - Темните. Чтобы так стрелять и орудовать штыком, не один год практики нужен. Так в какой армии вы служили?

- Французской.

- Что? - лицо его вытянулось.

- Не по своей воле. Насильно забрили.

- Как такое может быть? - удивился он. - Вы же подданный России. Или нет?

- Подданный. Только французам на это плевать. Мы жили в Кельне. В 1794 году его захватили французы. Все земли до Рейна они объявили своими, проживающих там людей - гражданами республики. Мои родители решили, что нас это не касается - мы подданные русского императора. Французы посчитали иначе. Наполеон набирал новые дивизии, помимо солдат требовались врачи и фельдшеры. В один несчастливый день за мной пришли и объявили: «Ты нужен императору!» Возражений слушать не стали. Так я оказался в корпусе маршала Виктора. Воевал в Испании и Португалии, участвовал в битвах при Талавере и Бусаку. В 1811 году удалось дезертировать - меня назначили сопровождать раненых во Францию. Там я снял мундир, переоделся в статское и отправился в Россию. Деньги имелись - скопил жалованье, бумаги о российском подданстве сохранились. Добирался долго, но успел: Наполеон еще не начал собирать армию для похода в Россию, иначе меня бы непременно задержали. В России поселился в Могилеве, но прожил всего ничего: французы начали вторжение. Теперь вы понимаете, почему я бежал от них?

Во, вру! Аж самому нравится. Спешневу – тоже. По лицу видно, что легенду проглотил.

– Если служили фельдшером, – сказал он мгновением спустя, – то с чего так ловко обращаетесь с оружием?

– Слыхали про испанских герильяс[17 - Герильяс – испанские партизаны периода Наполеоновских войск. Отличались крайней жестокостью по отношению к французам. Те, впрочем, были не лучше.]?

– Читал в газетах.

– Страшные люди. Им плевать, что ты фельдшер. На тебе французский мундир – значит, враг. Пленных они не брали. Поймают – подвешат за ноги, отрежут мужские причиндалы, выпустят кишки и оставят умирать. Поэтому отбивались от них как могли, в том числе и медики. Пришлось и мне пострелять. Жить захочешь – не тому научишься.

– Кто ваши родители? – внезапно спросил Спешнев.

– Князь Друцкий-Озерский Сергей Васильевич, из боковой ветви знаменитого литовского рода. Мать – могилевская мещанка, Мария Тимофеевна Бабицкая. В браке они не состояли – у отца имелась законная жена. Эта связь вызвала скандал, батюшка вынужден был уехать за границу. Там у них родился я. Батюшка меня очень любил, признал сыном, но дворянское достоинство и титул передать не мог. Поэтому я Руцкий. По настоянию матушки меня обучили ремеслу фельдшера – я имел к этому склонность. Пригодилось. После смерти родителей остался без средств к существованию и хотел вернуться в Россию – нужные документы отец мне выправил. Но за мной пришли... Будь жив отец, такого не случилось бы: он имел вес в тамошнем обществе.

– Понятно, – кивнул Спешнев. – Хорошо, что все разъяснилось. А то я не мог понять: что за странный типус? Речь странная, держится, как чужак. Шпион? Не похоже. Шпионов не бьют саблей по голове и не бросают нагишом умирать у дороги. Простите за допрос, но сами понимаете: время военное, а тут подозрительный человек. Чем думаете заняться, когда выйдем к нашим?

– Сначала нужно выйти.

- Но все же, - не отстал он. - Поступите в армию фельдшером?

- У меня нет свидетельства об обучении, как, впрочем, и других бумаг - все забрали французы. Как докажу, что я фельдшер[18 - В отличие от военных врачей, которых готовили в Военно-медицинской академии, фельдшеров того времени обучали при госпиталях, набирая их из способных к этому солдат. Считались средним нестроевым составом, по чину равнялись унтер-офицерам.]?

- Ваша правда, - согласился капитан. - Не подумал.

- Дозвольте остаться при роте. Вне штата.

Я замер, ожидая его решения.

- Пусть будет так! - кивнул Спешнев. - Свою полезность как фельдшера вы доказали. Я чувствую себя лучше, помогло ваше лечение. А теперь узнал, что стреляете изрядно и вообще храбрец. В одиночку убить трех кавалеристов! За такое крест дают. Оставайтесь, Платон Сергеевич, буду рад.

- Благодарю! - поклонился я.

- Отдыхайте.

Я повернулся и отправился к кострам. Далеко, впрочем, не ушел. Меня перехватил Синицын.

- Дельце есть, Платон Сергеевич! - сказал, подмигнув.

Он отвел меня на край поляны, где у разостланных на траве шинелей топтались три унтера и каптенармус. Ротная аристократия собралась. Офицеры - они ведь сверху, в обыденную жизнь подразделения не вмешиваются, всем заправляют фельдфебель с унтерами. Маловато их здесь, так и рота неполная - едва треть после боя уцелела. При виде нас «аристократы» расступились. Итак, что тут у нас? Три седла и три парных саквы[19 - Саква - сумка кавалериста, приторачиваемая к седлу.]. Содержимое последних вытряхнуто на шинели и даже аккуратно разложено. Какое-то тряпье, жестяные коробки, ножи с костяными ручками, патронные сумки, манерки и кошельки. Оружие: три сабли,

одно ружье – короткое, ствол толстый с раструбом. Кавалерийский тромблон, заряжается картечью, удобно стрелять на скаку. Если бы гусар жажнул из него в меня... Я невольно поежился. Еще на шинели лежали шесть пистолетов, сбоку стояли три пары сапог.

– С гусар сняли, – пояснил фельдфебель. – Ты их убил, значит – твое.

Все пятеро уставились на меня. Ага! Застрели гусар егеря, трофеи пошли бы роте. Я же в штате не состою...

– А кони? – спросил я. – Живые хоть?

– Отощали малость, – сообщил каптенармус, – овсом бы подкормить. Но ехать можно, ежели одному и пересаживаться.

И вновь взгляды. Проверка на вшивость. Сейчас барин затребует лошадей, сядет в седло, возьмет на повод заводного коня и, груженный трофеями, поскачет прочь. До первого аванпоста – русского или французского. Французы – те застрелят сразу, русские немного помучат и признают шпионом – с тем же результатом.

Подумав, я подобрал с шинели манерку. Судя по весу, полная. Я стащил в горловины стакан и понюхал. Ого! Коньяк – вернее, бренди. Не получил он здесь еще свое знаменитое имя. Я напустил в стакан светло-коричневой жидкости и сделал глоток. Ароматная жидкость провалилась в желудок, внутри сразу потеплело.

– Угощайтесь, Аким Потапович! – протянул стакан фельдфебелю.

Тот взял стакан и осторожно глотнул.

– Скусно! – заключил и передал стакан стоявшему рядом каптенармусу. – Мягкая, и горло не дерет.

– Из вина гонят, – пояснил я. – Бренди называется.

Стакан пошел по рукам. Остатки допил младший унтер, стоявший с краю, который и вернул стакан мне. Я надел его на горловину манерки.

– У меня для вас объявление, Аким Потапович и господа унтер-офицеры. Имел разговор с Семеном Павловичем, и он дал мне дозволение остаться при роте вне штата.

Показалось, или лица унтер-офицеров приняли довольное выражение?

– В связи с чем прошу принять меня в артель[20 - Артелью называлось отделение (не путать со строевым!) солдат и унтер-офицеров, которое вело совместное хозяйство. В роте было три артели.], а трофеи взять в совместное имущество. Согласны?

Унтер-офицеры и каптенармус уставились на Синицына. Тот важно кивнул.

– Принимаем, Сергеевич. Такой человек, как ты, лишним не будет. И как фельдшер, и как добрый боец. Так, братцы?

Унтер-офицеры закивали.

– Что до трофеев, то все не возьмем. Мы тоже с понятием. Фельдшер ровня унтеру и не должен ходить оборванцем. Соберем, как положено. Понял, Зыков?

Каптенармус неохотно кивнул. Похоже, этот хомяк, выдавая мне одежду, исходил из принципа: на тебе, небоже, что нам не гоже.

– Все! – Сицинын энергичным жестом подвел черту под разговором. – Идем, Сергеевич! Отныне твое место у костра подле меня.

Вот и определились...

Офицер с эполетами полковника штабной службы вошел в кабинет маршала Даву и поклонился.

- Бонжур, ваша светлость.

- Проходите, Маре! - кивнул маршал. - Не стойте у порога, - он с интересом посмотрел на ранец в руке посетителя. Что на этот раз притащил неугомонный начальник разведки? - У вас свежие сведения о Багратионе? Где он?

- К сожалению, не могу ответить, - сказал полковник, подходя к столу и бросая ранец к тумбе. - Высланные дозоры не обнаружили арьергарда русских. Багратион и его армия ушли.

- Плохо, - сморщился Даву. - Император будет недоволен.

- Я принес вам кое-что другое. Вот.

Он достал из рукава мундира небольшой продолговатый предмет и положил его на стол перед маршалом. Даву надел очки и взял в руки непонятную вещь. Она выглядела странной: тонкая дощечка из непонятого материала серебристого цвета, покрытая сверху тонким стеклом. Кое-где на нем виднелись трещины.

- Что это?

- Сейчас покажу.

Маре обошел стол, забрал дощечку у маршала и нажал что-то сбоку. Стекло осветилось изнутри, и перед маршалом возникла картинка. На ней были изображены ботфорты идущих людей.

- Маре?!

- Смотрите, ваша светлость! Это нужно видеть.

Полковник мазнул пальцами по экрану, и картина ожила. Ботфорты зашагали по полу, послышался топот подошв и звон шпор. Затем картина поменялась: коридорами дворца Фонтенбло шагали маршалы империи. Даву определил это

по шитью на мундирах и эполетах, а также шляпах, которые маршалы несли в руках. Однако лица всех были незнакомы. Маршалы вошли в просторный кабинет и встали у порога. Даву напрягся: у окна спиной к ним сидел мужчина в знакомой серой шинели. Фигура, поза... Внезапно мужчина обернулся, и Даву вздохнул с облегчением: это был не император – человек на живой картине на него не походил. Внезапно он заговорил, но почему-то по-английски[21 - Даву смотрит начальные кадры не дублированного фильма «Ватерлоо», режиссер – Сергей Бондарчук.].

– Что это, Маре?! – выдохнул Даву.

– Спектакль. Эти актеры изображают императора и его маршалов. Умоляю, смотрите! Это нужно видеть. Я знаю английский и буду переводить.

Даву уставился на дощечку. Он заворожено смотрел, как актер, изображавший императора, подписал отречение от трона (невероятно!), вышел во двор и стал прощаться с гвардией. У маршала защемило в глазах. Он не был сентиментальным – более того, вряд ли кто в империи назвал бы его чувствительным, но сцена, которую он сейчас наблюдал, выглядела необыкновенно трогательной. Затем император сел в карету, и та покатила между рядами гвардии. Внезапно картина моргнула и исчезла.

– Дьявол! – Маре забрал дощечку у маршала и стал тыкать в нее пальцами. Не помогло – изображение не появилось. – Я этого опасался, – сокрушенно сказал полковник и положил дощечку на стол. – Перестала работать, – он вздохнул. – Ладно, ваша светлость, не страшно: главное вы увидели. Остальное расскажу – я досмотрел этот спектакль до конца.

– Говорите! – согласился Даву.

– Пьеса изображает события 1814 и 1815 годов. Император потерпел поражение от соединенных войск русских, пруссаков и австрийцев и вынужден отречься от престола. Его отправляют в ссылку на остров Эльба. Во Францию возвращаются Бурбоны, престол занимает Людовик XVIII. Но его правление вызывает недовольство народа, император бежит с Эльбы и высаживается во Франции с тысячей гвардейцев. Отправленные на его поимку войска во главе с маршалом Неем переходят на сторону Наполеона. Император с триумфом въезжает в Париж и занимает опустевший трон. В ответ Британия и Пруссия собирают

армии и направляют их против Франции. В сражении при Ватерлоо – это в Бельгии – армия императора разбита, и он вновь теряет трон.

– Такого не может быть! – покачал головой Даву. – Император несокрушим. Гнусная пропаганда.

– Я тоже так решил поначалу, – сказал Маре. – Но потом подумал и сопоставил факты. В этой пьесе поражает то, что ее постановщики называют точные даты – чего, согласитесь, не может быть, если сюжет выдуман. Они присутствуют в виде текста в начале и по завершении живых картин. Еще у меня сложилось впечатление, что для авторов спектакля изображенные события – далекая история, они как бы смотрят на нас сквозь века.

– Абсурд! – не согласился Даву. – Не может быть!

– Рад бы согласиться с вами, ваша светлость, – продолжил Маре, – но обстоятельства... Вас не удивляет сам факт показа живой картины неведомым прибором?

– Удивляет, – согласился маршал.

– Такого устройства нет ни в одной стране мира – более того, я ничего не слышал о таких.

– Что вы хотите сказать? – насторожился Даву.

– Посмотрите! – полковник достал из рукава и выложил на стол несколько цветных бумажек.

– Что это? – маршал взял в руки одну из них.

– Ассигнаты[22 - Ассигнаты – бумажные деньги.].

– Русские?

– Нет, ваша светлость, нисколько не походят. Во-первых, они маленькие. Во-вторых, обратите внимание на печать. Ассигнаты такого качества не делает

никто в мире. Скажу больше: не в состоянии сделать. Оцените эти изображения, – полковник указал пальцем. – Их словно нарисовал художник. Но это типографская печать – никаких следов карандаша или кисти на бумаге не видно даже в лупу. Да и сама она необычно плотная, хрустящая, с водяными знаками непривычного образца. Ассигнаты несут все признаки денег: цифровой номинал, его подтверждение текстом, подпись главы банка, выпустившего их в обращение.

– Что за банк?

– Это написано здесь, – указал Маре. – Поначалу думал, что по-русски. Но один польский офицер, к которому я обратился за помощью, сказал, что это другой язык. Похож на наречие, на котором говорят в этой местности. Поляк назвал его «хлопским», то есть языком селян. Надпись гласит: «Национальный банк Республики Беларусь».

– Такого государства не существует!

– Совершенно верно, ваша светлость. Однако поправлю: не существует сейчас. Но оно вполне могло появиться на этих землях в будущем. Обратите внимание на эту цифру, – Маре указал пальцем. – На ассигнатах обязательно ставят дату выпуска.

– 2009 год[23 - Сегодняшние белорусские банкноты образца 2009 года, хотя в обращение их выпустили в 2016 году.]?!

– Именно так, ваша светлость!

– Вы здоровы, Маре?

– Как никогда. Понимаю, что сказанное мной звучит невероятно, но другой версии у меня нет. Неведомый прибор, который показывает живые картины, ассигнаты несуществующего государства, выполненные с невероятным качеством. Можно, конечно, предположить, что это чья-то шутка, но возникает вопрос: кто в состоянии ее сотворить? Господь бог? Верующий человек примет эту гипотезу, но я атеист. Это вещи из будущего.

Даву пристально посмотрел на полковника, тот не отвел взгляд.

- Как он оказалось у вас? - спросил маршал.

- Позвольте, я расскажу подробно?

- Присаживайтесь! - Даву указал на стул сбоку.

- Мерси.

Маре устроился на обтянутом шелком мягком сиденье и начал:

- В тот день я находился в передовых частях нашего авангарда. Выполнял ваш приказ: добыть сведения о передвижении Багратиона. Проезжая мимо бивуака вестфальских гусар, заметил необычное оживление у одного из костров. С десяток гусар что-то рассматривали, сопровождая это изумленными возгласами. Любопытство - необходимое качество разведчика, и я подъехал ближе. По рукам вестфальцев ходил этот прибор, - Маре указал на дощечку, - они тыкали в него пальцами, прибор в ответ начинал светиться, гусары изумленно вскрикивали. Я сразу понял, что столкнулся с чем-то необычным, и предложил вестфальцам купить у них эту вещь.

- Дорого заплатили? - сощурился Даву.

- Пять наполеондоров[24 - Наполеондор - золотая монета достоинством 20 франков того времени. Содержала 5,8 грамма чистого золота.] и бочонок бренди.

- Не дешево, - хмыкнул маршал.

- Оно того стоило, ваша светлость. Я это понял, как только взял прибор в руки. У меня ушел день, чтобы разобраться в его устройстве. На самом деле это простая вещь, нужно лишь правильно нажимать вот здесь, - он указал пальцем, а затем двигать пальцем по стеклу и трогать маленькие картинки на нем. Я спросил у гусар: есть ли у них другие необычные вещи. Они нашлись. Пришлось прибавить бычка для котлов гусар, но взамен я узнал, как вещи появились у вестфальцев. С их слов, они двигались по дороге в поиске авангарда Багратиона и наткнулись

на труп необычно одетого молодого мужчины, которого кто-то зарубил саблей. Обыскав его, гусары разжились необычными трофеями. Разумеется, соврали, – пожал плечами полковник. – Они же сами его и зарубили – обычное дело для союзников.

– И не только их, – заметил Даву. – К сожалению, наши войска ведут себя непозволительно по отношению к местному населению, а их командиры потакают этим грабежам. Из-за этого мы имеем проблемы со снабжением армии, особенно с фуражировкой. Население прячет продовольствие и уходит в леса. Ладно, были бы это русские, но вести себя так с союзным нам польским населением[25 - Жителей Беларуси того времени французы считали поляками.]!

– Вы совершенно правы, ваша светлость, – не стал спорить Маре, подумав: «На территории Польши и Пруссии было не лучше[26 - Именно так и было. Грабить население «Великая армия» начала еще в Европе.]. Вот что бывает, если призвать под свои знамена всякий сброд». – Я понял, что столкнулся с невероятным, и предложил вестфальцам доставить мне труп этого человека, пообещав щедрую награду в виде еще одного бочонка бренди. Их это воодушевило: несколько гусаров вскочили в седла и ускакали. Однако, вернувшись к вечеру, сообщили, что труп исчез. Его кто-то забрал. На дороге они обнаружили свежие следы от колес повозок и подошв русских сапог. У наших солдат они с квадратными носами, у русских – закругленные[27 - Для французской армии сапоги делали с квадратными носами, чтобы их не продавали на сторону.]. Вестфальцы сделали вывод, что тело подобрала какая-то отставшая от своих часть Багратиона. Не верить им у меня не было оснований: гусары очень сожалели, что не получают награду.

– Но зачем русским труп? – удивился маршал.

– Незачем, – кивнул Маре. – Из чего следует вывод, что неизвестный жив. Поняв это, я отправился к командиру гусаров. Попросил его отправить по следам русской части эскадрон, захватить и привезти живым странного человека. Тот отказался, объяснив это тем, что люди и кони устали, испытывают недостаток в провианте и фураже, и такое им не по силам.

Даву скривился.

– Пришлось предъявить документ с вашей подписью и потребовать исполнения приказа, – продолжил полковник. – После этого вестфалец, скрипя зубами, согласился. – Командиру эскадрона я дополнительно пообещал щедрую награду, иначе эти увальни отъехали бы на десяток лье, переждали бы день и вернулись, заявив, что никого не встретили. Гусары отправились по следам русских и вернулись через два дня. Командир эскадрона сообщил, что они шли по следам отступавших русских, но так и не догнали их. По пути он высылал дозоры, и один из них не вернулся. В его составе, к слову, был гусары, продавшие мне вещи из будущего. Дело шло к вечеру, командир эскадрона велел встать на ночлег, а утром продолжить поиски. Объяснил это тем, что кони устали, но я ему не верю. Не захотел рисковать. Утром гусары продолжили преследование и наткнулись на поляну, где останавливались русские. Там же нашлись трупы пропавших гусаров и костяк наполовину съеденной лошади. Командир приказал эскадрону возвращаться. Мне он заявил, что их слишком мало для разгрома русского отряда.

– Трус! – сморщился Даву.

– Именно так, ваша светлость! Я тайно переговорил с гусарами, ходившими в рейд. С их слов, русских не более полусотни. Они определили это по количеству пепелищ от костров на бивуаке. Эскадрон вполне мог разгромить эту кучку пехотинцев, застав их на марше. Я спросил гусаров, не видели ли они на пути следования захоронения или просто трупа. Они это отрицали. Из чего следует, что таинственный незнакомец из будущего жив и сейчас движется на соединение с войсками Багратиона.

– Считаете это опасным?

– Сейчас я вам кое-что покажу, – Маре встал, подошел к оставленному им ранцу и извлек из нее мешковатую куртку бордового цвета с серыми вставками, повертел ее перед маршалом, затем развернул тыльной стороной. – Это одежда человека из будущего. Видите эту надпись? Она гласит «Быстрая помощь»[28 - Разумеется, «скорая», но трудности перевода...], из чего следует, что сюда прибыл не какой-то ученый из будущего, сумевший изобрести машину времени и решивший полюбопытствовать жизнью предков. Этот человек состоит на военной службе.

– Станный мундир, – сказал Даву.

– Не похож на наши, – согласился Маре. – Но кто знает, какие будут носить через двести лет? Этот, надо признать, довольно удобный, хотя совершенно некрасивый.

Он свернул куртку и засунул ее обратно в ранец.

– Интересно, кто за всем этим стоит? – задумчиво спросил маршал.

– Британия, ваша светлость. Россия – отсталое государство, и я сомневаюсь, что здесь изобретут машину времени даже спустя двести лет. А вот англичане вполне могут. Они – наши непримиримые враги, и могли организовать диверсию. Напомню, что пьеса, которую мы смотрели, шла на английском языке. Британцы, вне всякого сомнения! Это в их нравах заставлять воевать за себя других.

– Но зачем они отправили посланца? Если верить этой пьесе, они выиграли войну с Францией.

– Понесся огромные потери. Это явствует из спектакля. Возможно, их не устраивает то, что случилось позже, и они решили исправить историю. Такая возможность у них есть. Представьте, что есть некто, знающий о предстоящей кампании мельчайшие подробности. Ему известно, какими маршрутами движутся корпуса и дивизии, их численный состав, вооружение и многое другое. Обладая такими сведениями, даже слабая армия может разгромить сильного противника. Еще более страшно то, что этот некто знает, где и в какое время будет находиться император, какими дорогами он передвигается и под какой охраной. Если посланец сумеет добраться до русского командования и сообщить ему поистине бесценные сведения...

– Я понял! – Даву встал, полковник вскочил следом. – Не продолжайте, Маре. Мне нужен этот человек! Живой. Любой ценой!

– Понял, ваша светлость!

– Сколько людей вам потребуется? Эскадрон, полк?

– Полк слишком много, как и эскадрон. Большой отряд продвигается медленно. Лошадям нужен фураж, а он вряд ли найдется в нужном количестве. Маршрут,

которым движется русский отряд, проходит вдали от основных дорог, что и понятно: они опасаются столкнуться с нашим авангардом. Места здесь глухие, населения мало. Достаточно роты[29 - Тактическая единица того времени в гвардейской легкой кавалерии Наполеона. В состав эскадрона входили две роты.] с запасом овса в саквах. Быстрым маршем через два-три дня мы догоним русских, окружим и заставим сдаться.

- Нам не нужны лишние свидетели, - сказал маршал. - Если этот посланец успел что-то рассказать своим спутникам...

- Я подумал об этом, ваша светлость, - кивнул полковник. - Свидетелей не будет. С вашего позволения, я возьму в рейд польских шеволежеров, из числа тех, которых император выделил вам для охраны. Они великолепные всадники и отличные бойцы. Отлично знают местность, умеют находить провиант и фураж. И еще не любят русских, - он усмехнулся.

- Действуйте, Маре! - одобрил Даву. - И знайте! Если вы привезете этого посланца, и он окажется тем, кем вы его считаете, щедрость императора будет безграничной. Титул и генеральские эполеты - это самое малое, что вас ждет.

- Благодарю, ваша светлость! - поклонился полковник.

- Ступайте! Я немедленно отдам нужные распоряжения.

После того, как Маре вышел, Даву звонком вызвал адъютанта и продиктовал ему приказ. Подписав бумагу, он отослал офицера. Оставшись в одиночестве, взял в руки таинственную дощечку, которую, как и ассигнаты, перед приходом адъютанта прикрыл листом бумаги. Повертев в руках неведомый прибор, маршал обнаружил сбоку два выступа - один совсем маленький, другой подлиннее. Нажал на них поочередно. На стекле внезапно появилось изображение палочки, низ которой был красным, и какая-то надпись. Затем все мигнуло и исчезло. Даву осторожно положил прибор на стол. «И как Маре с ним разобрался? - подумал с удивлением. - Хотя с него станется. Учился в университете, водил дружбу с химиками. Умен, решителен. Многого добьется, если привезет этого посланца. Или погибнет. В последнем случае хорошо бы - вместе с гостем из будущего. Тогда я останусь единственным, кто знает о судьбе этой кампании и лично императора. Такое знание не имеет цены».

Он достал из ящика стола небольшую шкатулку, сложил в нее вещи из будущего и спрятал. Ранец с курткой, который Маре оставил у стола, сунул в шкаф. Не нужно, чтобы кто-либо видел, даже слуги...

?

Едем... Вернее, тащимся по проселку с крейсерской скоростью пять верст в час или, возможно, больше. Егеря идут бодро и ходко. А что? Все сыты и здоровы, не считая раненых, да и те поправляются день ото дня – даже удивительно. Антибиотиков нет, поддерживающего лечения, считай, тоже, но раны у егерей затягиваются быстро. Интересно, почему? Подумав, я пришел к выводу, что дело в высоком иммунитете этих людей и их отношении к ранам. Для начала, они сумели выжить в крестьянских семьях, где большинство детей умирают в младенчестве. Природа произвела естественный отбор. Затем солдат закалила тяжелая служба. Раны у них считаются делом обычным и не вызывают паники, как у людей моего времени. Дескать, заживет. Настрой на выздоровление – великое дело, это вам любой врач скажет. А тут еще я нарисовался, промыл и продезинфицировал раны, избавив организм от необходимости тратить силы на борьбу с инфекцией, вот и пошло заживление. Другого объяснения у меня нет. В Европах народ более нежный, разбалован цивилизацией, потому небоевые потери в «Grande Armee» высоки. А еще с гигиеной у французов плохо: грязнули еще те. Сказывается и питание. У одного иностранного историка прочел забавный пассаж. Французы, найдя брошенный русской армией бивуак, с завистью смотрели на кучи экскрементов, оставленных солдатами. Они были свидетелем того, что русские едят хорошо и не страдают поносом, в отличие от французов. Вот такая неаппетитная примета времени.

Но вернемся к реальности. После моей маленькой войны с гусарами Спешнев приказал выставить караулы и остаться на поляне – опасался, что поблизости бродят другие вестфальцы. Для пехоты столкнуться с кавалерией на марше – гарантированная смерть. Ружья против пик и сабель не пляшут. Единственный шанс отбиться – встать в каре, но для него у нас слишком мало людей – всего 53 человека, включая фурлейтов и каптенармуса, которым даже ружей не положено. Такую кучку пехотинцев эскадрон растерзает на раз-два, это мне Синицын подтвердил. «Солдатушек для каре у нас мало», – сказал, вздохнув. Знающий человек. А чему удивляться? Фельдфебелями в этом времени назначают самых грамотных и толковых из унтер-офицеров. Одной из их обязанностей является подача регулярных рапортов о положении дел в роте. Вы когда-нибудь писали рапорт? Попробуйте и поймете: фельдфебель в этом

времени – человек образованный. Потапыч, как я его зову про себя, из солдатских детей. Не слышали о таких? А они есть. Солдатам разрешено иметь семьи, их сыновей записывают в военную службу сразу после рождения. Они учатся в полковых школах и идут по стопам отцов, формируя унтер-офицерский состав армии. Хотя большинство тех происходят из рекрутов и половина – неграмотные. Зато храбрые – это главное условие повышения в чине[30 - На этот счет существовал даже указ Павла I, которым предписывалось назначать унтер-офицерами самых храбрых.].

Нечаянный отдых егеря провели с пользой. Помылись, почистились, привели в порядок порванные мундиры и запросившие каши сапоги. Заодно приодели попаданца. Я получил новое белье, такие же панталоны и колпак с кисточкой, именуемый фуражной шапкой[31 - Колпак с кисточкой – устаревший образец фуражной шапки, которые носили вне строя. В обиход вошла уже привычная нам фуражка: с козырьком для нестроевых и без – для остальных солдат и офицеров. Но фуражные шапки прежнего образца еще оставались в войсках. Их шили в полках из старого обмундирования. Именно такую выдали попаданцу.]. Ходить с непокрытой головой здесь не принято. Только я шапку пока не ношу: отговорился тем, что натирает рану на голове.

Еще мне досталась пара гусарских сапог – почти новых. С обувью у «Grande Armee» плохо, но это у пехотинцев. Их сапоги рассчитаны на тысячу километров пешего марша, однако столько не выдерживают. Всадники передвигаются верхом, потому сапоги не истоптаны. Голенища у них короткие, до середины голени, и прихотливо обрезаны. Хотя это все равно не видно из-под панталон – в пехоте их носят навывпуск. Только офицеры – внутрь, но у них не панталоны, а рейтузы, специально шитые под сапоги. Каптенармус выдал мне кусок полотна, который я разорвал на портянки. Здесь их называют «онучки». Чулки носят только офицеры, да и то не все. Для сапог ничего лучше портянок в мире не придумали – это вам любой, кто их носил, скажет. Я, правда, сапоги в армии не застал – ходил в берцах, но портянки мотать умею – дед научил.

Еще умельцы из егерей сшили мне что-то вроде куртки. Распороли по швам ментики убитых гусар, взяли спинки без шитья и соорудили нечто однобортное с рядом пуговиц. Это чтобы не походило на военный мундир. Получилась голубая, мать ее, одежда из сукна. Я не хотел надевать, но Потапыч уговорил, объяснив, что такому уважаемому человеку, как фельдшер, негоже щеголять в нижней рубахе. Теперь потею.

Из других трофеев мне достался мерин по кличке Мыш (я его так окрестил за цвет масти), седло, саквы, тромблон и два пистолета. От сабли я отказался – еще порежусь. Шутка. Пистолеты взял «шкатулочные» – нашлись такие в кобурах убитого вестфальца. Механизм этих орудий убийства размещен в медной коробке («шкатулке»), в которую ввинчен ствол. Деревянного ложа не имеют, только рукоять. Очень надежное, хотя тяжеловатое оружие. Ну, так мне его не носить – везу в седельных кобурах. Еще у гусар нашлась масса полезных мелочей вроде бритв, ножниц, зеркал, ножей, ниток с иглками и прочего, так что я теперь укомплектован по штату. Сарказм. Мыло, кстати, здесь есть, и оно входит в довольствие солдат. Бреет меня Пахом, у меня при взгляде на орудие убийства, которым он орудует, холодеет спина. Однако рука у фурлейта действительно легкая, мою физиономию от щетины избавил за пару минут без единого пореза. Пахома приставили ко мне кем-то вроде денщика. Унтер-офицерам они не положены, но по негласной традиции имеются. Назначают обычно из нестроевых, тех же фурлейтов. Должность, к слову, почетная, Пахом доволен. Его прежний покровитель из унтер-офицеров погиб под Салтановкой.

Бивуак у реки мы покинули в сумерках и шли всю ночь – отрывались от противника. Так приказал Спешнев. Хорошо, что светила луна, и никто не выколол глаз сучком и не сломал ногу. Похоже, оторвались. К утру мы вошли в деревню, что не удивительно – дороги всегда куда-то ведут. Там помылись, поели свежего хлеба и щей, запаслись провиантом и фуражом. За все честно заплатили полновесным серебром, обнаруженным в кошельках гусаров. Не беда, что монеты французские, зато из благородного металла. Бумажные ассигнации крестьяне брать отказались – знали о нашествии и потребовали серебро. Каптернармус поначалу ругался, но Потапыч его успокоил, объяснив, что все нужное роте мы получили фактически даром. А ассигнации еще пригодятся. Каптенармус почесал в затылке и согласился. Я, в свою очередь, объяснил угрюмому, заросшему бородой старосте, что им лучше уходить в леса, забрав скот и другие припасы. Французы отберут их подчистую, да еще девок попортят.

– Платить рази не будут? – не поверил староста, довольный гешефтом с серебром. Сообщение о девках его, похоже, не встревожило.

– Фальшивыми ассигнациями. Наши вернутся, так тебя за них – в острог!

– А когда воротитесь? – поинтересовался мужик.

– К зиме – точно! – обнадежил я. – Но пока придем, с голоду сдохнете. Хотя бы часть припасов припрячьте.

Не знаю, поверил ли мне староста, но ушел он хмурый. Пусть думает. Не все крестьяне, конечно, сгнули во время нашествия Наполеона. Были те, кому удалось договориться с оккупантами, и они благополучно пережили тяжелые времена, расплачиваясь за покровительство продовольствием. Отдельные вообще сбивались в банды, нападали даже на русские обозы – грабили. А вы думали, партизаны били только французов? Меньше читайте ура-патриотических сочинений. Война – дело такое: кому беда, а кому мать родна... Тем более, что крестьянам своих бар любить не за что.

Эта беседа имела последствия. Меня позвал Спешнев, которому кто-то донес о разговоре со старостой.

– Откуда вы знаете про фальшивые ассигнации? – спросил строго.

Вот ведь следователь!

– В Могилеве видел. Я ведь из него не сразу ушел: французы взяли город неожиданно. Два дня под ними жил, только потом нашел возможность ускользнуть. Так вот, с появлением армии Даву местные купцы из жидов[32 - В то время слово «жид» не несло оскорбительного значения и употреблялось повсеместно, в том числе самими евреями. Об их гешефтах с армией Наполеона пишут историки.] кинулись делать гешефты – продавали французам все потребное. Один знакомый мне купец похвастался прибылью. От него узнал, что французы повсеместно расплачиваются русскими ассигнациями. Я задумался: откуда они у тех в таком количестве? Их что, из Петербурга завезли? Попросил купца, и тот показал бумагу достоинством в 25 рублей. Она вызвала подозрение. Отпечатана идеально правильно: все строчки ровные, подписи не размазаны, как на настоящих[33 - По таким признакам эти фальшивки и вычисляли.]. Не секрет, что типографское дело у французов поставлено лучше, чем в России. Фальшивка, без сомнения.

– А с чего вы взяли, что мы воротимся только к зиме? Почему не раньше?

– Предположил. Силен француз!

- Мы не слабее. Вот соединится Багратион с Барклаем, и дадим французам генеральное сражение.

- Упаси бог!

- С чего такое настроение? - сощурился капитан. - Не верите в победу?

- Верю. Более того, уверен в гибели неприятеля. Но пока он очень силен. Я видел, как сражаются французы, и поверьте: это отличные бойцы.

Спешнев вздохнул. Ага, вспомнил Салтановку.

- Сражение, конечно, дадим - например, под Смоленском, но, думаю, будем отступать и далее. Но это во благо. Пусть француз растянет коммуникации, которые мы будем резать. Пусть дохнут с голоду! Они уже сейчас голодают, а кони так и вовсе мрут. Когда шел от Могилева, видел конские трупы у дорог. Европейской лошади требуется зерно, на траве она не живет. А где взять фураж? Из Европы везти далеко, здесь урожай не вызрел. Французы косят рожь и овес на корню, незрелыми дают лошадям. Те от такого корма дохнут.

- Для фельдшера вы неплохо разбираетесь в военных делах, Платон Сергеевич.

- Так служил.

- Расскажите, как воюют французы. Я их в деле только под Салтановкой видел, прежде не довелось.

- Они умело используют пушки, что не удивительно: Бонапарт в прошлом - артиллерийский офицер. У французов есть легкие четырехфунтовки, которые они катят перед наступающими полками. Подойдя к противнику где-то на триста шагов, артиллеристы начинают бить по его рядам шрапнелями. Положат многих, разобьют строй, после чего вступает в дело пехота.

- М-да... - помрачнел Спешнев.

- Только англичане наловчились с этим бороться.

– Расскажите! – заинтересовался Спешнев.

– Как только французы изготовят пушки к стрельбе, дают своим войскам команду лечь.

– Лечь? – изумился капитан.

– Именно. В результате все шрапнели летят поверх строя и никого не задевают. Поправить прицел артиллеристы не могут: ствол пушки нельзя опустить столь низко, тем более на таком расстоянии. Так что стрельба впустую.

Не делают еще такого англичане, до этого приема Веллингтон додумается под Ватерлоо. В результате огонь французских батарей не нанесет его войскам значительного ущерба. Но опровергнуть меня некому. Нужно внедрять эту идею в головы русских генералов, а то будут приказывать: «Стоять и умирать!»[34 - Такой приказ отдал командир 4-го корпуса русской армии граф А.И. Остерман-Толстой в битве при Островно. «Яростно гремела неприятельская артиллерия и вырывала целые ряды храбрых полков русских», – писал об этом С.Н. Глинка, участник тех событий. Нет слов...] Полк Андрея Болконского в битве под Бородино потерял от артиллерийского огня французов треть состава, не вступив в бой! Только тогда их сиятельство изволил дать команду сесть. Самовлюбленный идиот этот Болконский! И вы хотите, чтобы я ему сочувствовал? По лицу Спешнева видно, что он испытывает когнитивный диссонанс. Как это – лечь перед лицом неприятеля? А как же честь и гордость? Добавим.

– Одновременно лучшие английские стрелки ведут огонь по артиллерийской прислуге и нередко выбивают ее полностью. У Веллингтона имеется целый полк таких молодцов – под 95-м номером. Носят зеленые мундиры, сражаются не в строю, а россыпью. Вооружены штуцерами.

– Штуцерами? Весь полк? – не поверил капитан. – У нас только унтера их имеют, да и то не все.

– Именно так, Семен Павлович, штуцера у каждого. Причем стреляют из них необычайно метко и, что того важнее, очень быстро. Не менее трех раз в минуту.

– Невозможно, Платон Сергеевич! Штуцер заряжать мешкотно, дай бог в три минуты управиться.

– Это если действовать по старинке. Пулю обернуть пластырем и заколачивать ее в ствол с помощью шомпола и молотка. У английских стрелков пули не круглые, а продолговатые, вот такие, – я показал фалангу указательного пальца. – Длина в два калибра. В ствол штуцера она входит легко, как круглая в обычное ружье. При выстреле пороховые газы распирают пулю, она раздается, входит в нарезы и летит точно. Умелые стрелки даже не забивают эти пули шомполом: бросают в ствол после насыпанного из патрона пороха, ударяют прикладом о землю, чтобы пуля легла на заряд, и стреляют. Говорят, что так удастся сделать даже четыре выстрела в минуту.

– Вы это точно знаете? – спросил Спешнев после короткого молчания. – Насчет пуль?

– Я доставал их из тел солдат. Держал в руках – и не раз.

Вру, причем – отчаянно. Но надо. До цилиндрически-конических пуль для штуцеров додумаются через несколько десятилетий, а впервые их применят в Крымской войне. Там французы и англичане будут выкашивать русских солдат с безопасного расстояния... А вот – хрен вам! Сами внедрим. Меня, конечно, никто слушать не станет, а вот капитана егерей...

– Присоединимся к своим – испытаем, – сказал Спешнев, завершая разговор. По его лицу было видно, что распинался я не зря: зерно упало в подготовленную почву. Вот и славно.

...Колонна внезапно встает. Натягиваю поводья, и Мыш послушно замирает. Для него это в радость – ленивый, скотина. От головы колонны спешит Потапыч. Мне неловко видеть, как он шагает, в то время как я еду верхом. Но фельдфебель решительно отказался от второй лошади, определив ее капитану – офицеру положена. Правда, Спешнева везут в повозке, и его кобылка трусит следом, халявщица. А насчет меня Синицын сказал так: «Ты не егерь, Сергеевич, к тому же из благородных, так что езжай верхами. А нам пешки привычнее...»

– Ваше благородие! – докладывает Потапыч, подойдя к повозке. – Там на дороге верховой на лошади. Говорит, что дворовый графини Хрениной[35 -

Вымышленный автором графский род. В реальной истории не существовал.]. Та рада пригласить русских солдат к себе в имение, где их накормят, попарят в бане и предоставят ночлег.

Капитан задумывается, Синицын и ближние егеря смотрят на него с надеждой. Даже Мыш подо мной нетерпеливо перебирает ногами – почуял отдых и жратву. Нравится немецкой скотине русский овес. Спешнев смотрит в небо. До вечера еще далеко, но солнце клонится к горизонту. Сегодня мы отмахали не менее тридцати верст и от французов, вроде, оторвались – после того нападения у реки о них ни слуху, ни духу. А люди устали...

– Далеко ее имение? – спрашивает капитан.

– Дворовый говорит: в пяти верстах.

– Как же она о нас узнала? – удивляется Спешнев.

– Я спросил. Он ответил, что графиня повелела устроить на том взгорке, – Потапыч указывает рукой назад, – наблюдательный пост. Опасается французов. Ее дворовый углядел нас, распознал русских, сел на коня и примчался в имение, после чего графиня и отрядила гонца.

– Ладно, – кивает капитан. – Едем. Графине неловко отказать. Командуй, Синицын!

Фельдфебель козырнул и заторопился в голову колонны. Оттуда прозвучала команда. Повеселевшие егеря ударили подошвами сапог по пыльной дороге. Через сотню шагов мы свернули на другую, поуже, шедшую через лес. Палящее солнце не пробивалось сквозь кроны высоких деревьев, хотя зной давал себя знать и здесь. Ничего. Скоро помоемся в баньке, сменим белье, поедим с толком и завалимся спать под крышей. Может, и чарку поднесут. Русские помещики славятся своим гостеприимством. Радость какая!

Угу. Человек предполагает, а бог располагает...

Лес расступился внезапно, открыв огромное поле. Оно раскинулось по обе стороны опушки, тянулось вдаль к горизонту, где виднелась темная гребенка елового бора. К нему прилепилась деревенька в несколько десятков домов – сколько точно, издали не сосчитаешь. Выходившая из леса дорога вела к ней, но, пробежав по лугу, раздваивалась и левым отростком упиралась в ворота помещицкой усадьбы. Та разместилась на небольшом возвышении и была окружена могучим забором. Сложенные из булыжника мощные столбы, деревянные плахи между ними... Не забор, а крепостные стены. Да и сам помещицкий дом, чей верхний этаж с крышей виднелся над оградой, мало походил на виденные мной дворянские дворцы. Стены из толстых бревен, узкие окна. Блокгауз какой-то, а не усадьба. Это с чего такую построили?

Подчиняясь команде фельдфебеля, рота остановилась на опушке. Дворовый графини, не медля, ускакал к усадьбе – видимо, предупредить о появлении гостей, а Спешнев подозвал Потапыча.

– Роте поправить снаряжение и встать походной колонной! – велел Синицыну. – Мне подать лошадь и помочь сесть в седло.

– Нельзя, Семен Павлович! – заволновался я. – Разбередите рану.

– Мы воинская часть, и должны предстать перед графиней как должно! – отрезал капитан. – Не указывайте мне, как себя вести!

Я заткнулся и отъехал. Потапыч и двое егерей помогли капитану забраться в седло. Оказавшись на спине лошади, тот охнул, скривившись от боли, но погнал кобылку в голову колонны. Я устремился следом. Еще грохнетя, идиот! Не нужно было позволять ему надевать рейтузы с сапогами...

Выехав вперед, Спешнев повернулся к строю и махнул рукой. Егеря, почувствовав скорый отдых, ударили подошвами о землю.

– Платон Сергеевич! – весело посмотрел на меня капитан. – Запевайте строевую! Ту, что учили с солдатами на бивуаке.

«Которую?» – хотел спросить я, но промолчал. На поляне я разучил с егерями две песни. Одну про знамя полковое, которую и голосил на марше. Егерям она не слишком понравилась. «Господская!» – заметил один. Я подумал и предложил другую. Считал, что ее здесь знают все – в 19 веке пели; оказалось – ни фиги. И вот эта пришлась егерям по душе. Не удивительно. Простая и понятная солдатам песня.

– Солдатушки, бравы ребятушки, кто же ваши деды? – начал я.

– Наши деды – славные победы, вот кто наши деды! – хором отозвались егеря.

Спешнев дернул плечом, но промолчал.

– Солдатушки, бравы ребятушки, а кто ж ваши жены? – продолжил я.

– Наши жены – ружья заряжены, вот кто наши жены! – ответил строй.

У этой народной песни десятки вариантов. Есть верноподданнический: «Наш родимый – царь непобедимый, вот кто наш родимый». Или: «Наша слава – Русская держава, вот кто наша слава». Имеются и хулиганские варианты: «Наши тетки – две косушки водки, вот кто наши тетки». Косушка, к слову, это 300 граммов на наши мерки. Если влить две в одно рыло... Правда, слово «водка» здесь мало употребляемое, преобладает «вино», но егеря поняли. Мне объяснить, какой вариант им больше понравился?

Дворовый ускакал вперед не зря. Когда строй приблизился к воротам, тяжелые створки из плах, подвешенные на кованых петлях, поползли в стороны, и мы вступили на обширный, посыпанный утрамбованный гравием двор. Тут егеря и грянули про косушки – тонкий намек на толстые обстоятельства. Нас встречали. На просторном каменном крыльце с толстыми колоннами, поддерживавшими крышу, застыла дворня графини – мужчины и женщины в самых разнообразных нарядах. Некоторые были в сюртуках и чулках с башмаками, но большинство одеты как крестьяне, разве что почище. Впереди стояла молодая женщина в бежевом платье с кружевами на воротнике и шелковом капоре в тон платью – за версту видно, что барыня. Это и есть графиня? Я присмотрелся: девчонка. На вид – лет двадцать. Симпатичная. Круглое, милое личико с большими глазами – капор с небольшими полями позволял это разглядеть. Роста среднего, крепкого телосложения, но не полная. На изнеженную помещицу ни разу не похожа. Вон,

даже слегка загорела, а это сейчас не в моде.

– Ваше сиятельство! – командир роты поднес ладонь к киверу. – Позвольте отрекомендоваться: штабс-капитан Спешнев Семен Павлович. Командую третьей ротой первого батальона 6-го егерского полка. После сражения с неприятелем следуем на соединение с армией князя Багратиона. Благодарю за приглашение. Мои егеря нуждаются в отдыхе.

– Здравствуйте, господин штабс-капитан! – звонко ответила девчонка. – Добро пожаловать в усадьбу Залесье. Для вас здесь истопят баню, накормят и устроят на ночлег. Меня зовут Аграфена Юрьевна. Я дочь графини Натальи Гавриловны Хрениной. Она наказала встретить вас. Сама, к сожалению, не может – занедужила.

– А что с ней? – спросил капитан. – С нами лекарь, – он указал на меня. – Позвольте, представлю: Платон Сергеевич Руцкий, сын князя Друцкого-Озерского. Присоединился к нам в дороге при весьма печальных обстоятельствах – был ранен, ограблен до нитки гусарами неприятеля и брошен умирать. К счастью, мы шли мимо и подобрали. Лекарскому делу Платон Сергеевич учился за границей и знает его отменно. Пулю из моей ноги достал враз, не имея при этом нужных инструментов. Егерей моих лечил, и весьма успешно – все в строю.

А Спешнев-то жох! Как лихо к графинюшке подкатил! Дескать, не только вы к нам, но и мы к вам с ответкой. Меня до лекаря повысил, про учебу за границей упомянул, фиктивного папашу приплел. С козырей пошел, а отдуваться мне. Неизвестно, чем эта старуха болеет...

– Рада вашему визиту, князь! – склонила голову Аграфена. – Вы красиво пели. Голос у вас сильный и приятный.

– Я не князь! – буркнул я. – Мещанин города Могилева. Князем был мой отец. Мать – простолюдинка.

– Все равно, рада, – не смутилась девчонка. – Посмотрите матушку?

Я вздохнул и спрыгнул на утрамбованный гравий двора. Получилось, к слову, неплохо, хотя я не наездник. В детстве катался на лошадях – естественно, без

седла, здесь пару дней к Мышу привыкал. Натер кожу с внутренней стороны бедер, но освоился. В принципе, ничего сложного: надо только чувствовать лошадь – вот и вся наука. Да и Мыш – скотина смирная. Мерин.

– Игнат! – графинюшка посмотрела на представительного мужчину в сюртуке. – Займись гостями. А я провожу лекаря к матушке. Следуйте за мной, Платон Сергеевич!

Я последовал. Мы вошли в дом и по широкой деревянной лестнице поднялись на второй этаж. Графинюшка шла впереди, звучно топая каблучками по деревянным плахам пола. Подойдя к высокой двери, она постучала костяшками пальцев в створку, дождалась ответа и нажала на ручку. Дверь отворилась, и мы вошли внутрь.

В комнате стоял полумрак. Два узких окна давали мало света, к тому же их прикрыли шторами. Напрягая зрение, я различил слева у стены большую кровать с пологом. Напротив располагался шкаф, у правого окна – столик с зеркалом и стулом – вот и вся обстановка. Небогато.

– Я привела лекаря, матушка, – сообщила графинюшка кому-то на кровати. – Случился среди солдат. Их командир уверяет, что Платон Сергеевич учился за границей.

– Подойдите! – раздалось от кровати. В голосе невидимой мною женщины звучала боль.

Я подчинился. На кровати, прикрытая одеялом до пояса, лежала на боку графиня в ночной рубашке с кружевами на груди и в чепце. Глаза мои привыкли к полумраку, и я разглядел морщины на лбу и у глаз, прямой нос и тонкие губы с волевыми складками у рта. Серьезная дама – видно, что привыкла командовать.

– Вправду лекарь? – недоверчиво спросила графиня. – Молодой больно и одет, как пугало. Солдатские панталоны и какой-то дурацкий мундир.

Вот ведь мегера! Ее от боли крючит, а она на одежду смотрит.

– Это сшили мне егеря из ментиков убитых французских гусар, – я ткнул пальцем в суконную куртку. – Панталоны они же дали. Меня нашли голым у дороги. Был ограблен французами. Ударили саблей, – я коснулся пальцем шва на голове, – и содрали все, даже чулки.

– Штабс-капитан Платона Сергеевича хвалил, – подключилась графинюшка. – Говорит: достал ему пулю из ноги, лечил раненых егерей, поставив их в строй.

– У меня нет пули в ноге, – пробурчала старуха. – Спину прихватило. Лежать могу только на боку, встать больно.

– Это давно или внезапно схватило? – спросил я.

– Внезапно, хотя спиной и раньше маялась, – проскрежетала она. – За сборами смотрела. Видел сундуки в коридоре? Бежать собирались от супостата, вещи собирали.

– Вы за чем-то резко нагнулись? В спине щелкнуло, и не смогли разогнуться?

– А ты вправду соображаешь, – сказала старуха и посмотрела на меня с любопытством. – Так и было.

– Мне нужно вас осмотреть. Прикажите принести воду, мыло и полотенце.

– Груша? – графиня посмотрела на дочку.

Та выбежала из спальни. Я же отправился к окнам и раздернул шторы. Мне нужен свет. Тем временем какие-то девки притащили медный таз с водой и поставили его на принесенный одновременно табурет. Одна из служанок протянула мне на ладони кусок мыла. Я взял его, тщательно вымыл руки и вытер висевшим на плече девки полотенцем. Подойдя к кровати, отбросил прикрывавшее графиню одеяло и велел девкам задрать ей рубаху и положить на живот. Те кинулись исполнять. Хотя и ворочали они графиню бережно, та шипела и ругалась от боли. Под рубахой у старухи не оказалось ничего – 19-й век. Ну, и ладно: не на что там смотреть. Спина жиром не заросла, и это плюс.

– Где болит?

– Здесь, – графиня, изогнув руку, указала на поясницу.

Я наклонился и пробежался пальцами по хребту. Внезапно графиня дернулась и ругнулась. Ага, вот он! Сместившийся позвонок выступал наружу едва-едва, но этого хватило. Если не вернуть на место, мучиться будет долго. В моем времени использовали бы вытяжение, но здесь это невозможно.

– У вас сместился позвонок, ваше сиятельство, – объявил я графине. – Зажал нерв, и это вызывает боль.

– Вылечить можешь? – спросила она.

– Попробую. Но предупреждаю: будет больно.

– Лечи! – вздохнула она. – Ехать надо, а я лежу. Потерплю, не впервой. Детей рожала.

– Принесите мне масла – конопляного или льняного, – повернулся я к девкам.

Одна из них убежала и скоро вернулась с плоской. Я плеснул из нее на ладонь, растер и склонился над графинею. Спину массировал осторожно, подготавливая пациентку к предстоящей манипуляции. У себя я бы ее делать не стал – риск велик, но здесь выбора нет: мучиться графине со спиной долго. Остеохондроз (здесь его называют ишиас) – штука гадкая. Позвонки с возрастом изнашиваются, проседают, смещаются, и, ущемляя нерв, вызывают нестерпимую боль при движении. Человек не может ходить. Попробуем помочь. Массажем я занимаюсь давно: ходил на курсы, а затем не один год практиковал – подрабатывал. На зарплату фельдшера не проживешь.

Ощувив, что пациентка расслабилась, я уперся подушечками больших пальцев в позвонок и резко нажал. Щелк! Встал, родимый!

Старуха взвыла.

– Ой-ей-ей! Что ж делаешь, гад! – завопила, вскакивая с постели. – Идол египетский! Да я тебя высечь прикажу! Розгами. Чучело гороховое!

Она подступала ко мне, сжимая кулаки. Я сделал пару шагов назад и быстро спросил:

- Как чувствуете себя, ваше сиятельство?

- Да я... - она внезапно умолкла. На лице ее отобразилось недоумение. - Хм!.. Спина побаливает, но ходить могу, - она сделала несколько шагов. - Вправду, вылечил.

- Впредь не нагибайтесь, - сказал я. - Скажите девке - та подаст. А буде возникнет нужда - присядьте, вот так! - я изобразил присед и показал, будто беру что-то с пола. - Носите корсет и шнуруйте его туго.

- Придется поискать, - сказала графиня задумчиво. - Давно не надевала. Кто знает, куда его эти дуры сунули? Ладно, - она повернулась к одной из девок. - Слушай наказ, Лушка. Лекаря - в баню! Помыть и одеть, как положено дворянину. Подбери ему из вещей Юрия Никитича что получше. Фигурой он с покойным схож. Выполняй!

- Идемте, господин! - поклонилась мне служанка.

И мы пошли...

?

Баня у графини размещалась за оградой с задней стороны поместья и представляла собой рубленную из толстых бревен просторную клеть, поставленную на берегу небольшого ручья, змеившегося по лугу и убежавшего к лесу. Удобно: за водой далеко ходить не надо. Прорубленные в бревенчатых стенах квадратные окошки не имели рам и стекол. Из глиняной трубы, торчавшей из накрытой дранкой крыши, подымался к небу легкий дымок. Побелому топят и хорошими дровами.

В предбаннике я обнаружил Спешнева. Он сидел на лавке, привалившись спиной к стене и блаженно смотрел в потолок. Судя по влажным волосам, водные процедуры уже принял.

- Это вы, Руцкий? – спросил штабс-капитан. – Ну, как там графиня?

- Жить будет, – сказал я и содрал с себя пропотевшую куртку. – Как пар?

- Я не парился, – ответил он. – При ране нельзя.

Хоть на это ума хватило...

- Омылся – и ладно. Без того блаженство. С самого начала кампании в доброй бане не был. У крестьян в деревне вместо них какие-то клетки для свиней. Грязно и не повернуться.

Спешнев умолк и с любопытством уставился на вошедшую следом Лушку, которая принялась раскладывать на лавке отобранную для меня одежду. Получив наказ от хозяйки, она отвела меня в соседнюю комнату (как я понял, спальню графа), где принялась вытаскивать из шкафа и сундука разнообразные наряды. Неприятно, конечно, носить вещи покойника, но выбирать не приходится. В этом мире встречают по одежке, и хорошая стоит дорого. К тому же медики не брезгливы. Я выбрал пару белья из тонкого полотна и чесучовый охотничий костюм графа – куртку и рейтузы. Самое то по здешней жаре – не в сукне же париться. Плотная ткань из дикого шелка прослужит долго, да и цвет подходящий – оливковый. Еще взял охотничью шляпу с пером – щеголь, блин! – две пары хлопчатобумажных чулок и охотничьи ботфорты. Гусарские ботинки не вызывали доверия: развалятся – и что делать? Ботфорты понравились мягкой кожей голенищ и толстой подошвой – для охотника делали, которому ходить. И не ношены почти.

- Вам помочь, господин? – спросила Лушка после того, как я разоблачился.

- Сам! – буркнул я. – Ты вот что, принеси сюда мои сумки – те, что были у меня на мерине.

- Слушаюсь, господин! – поклонилась она.

- И еще. Мед здесь есть? Желательно, свежий.

- Найду, – пообещала она.

– Значит, горшочек меда. Небольшой, – я показал руками. – Чуток березового дегтя и ложку – из тех, какую не жалко. Оловянную, к примеру. Все.

Я нырнул в баню. Там было сумрачно, влажно и жарко. Париться я не стал. Во-первых, с раной на голове чревато, во-вторых, не люблю. Вот такой я нетипичный русский. Им положено любить баню, водку, гармонию и лосося. Или воблу, если лосось не вписывается в бюджет. Зачерпнув из вмурованного в печку чугунного котла черпаком горячей воды, я влил ее в деревянную шайку, куда предварительно плеснул холодной из ведра. Попробовал пальцами – нормально. Мыло и мочало нашлись на лавке. Мылся я не спеша, с удовольствием. Отдраив до скрипа кожу, ополоснулся и вышел в предбанник. Там обнаружился Спешнев, уже одетый, но только в рубаху. Он сидел за столом, которого ранее не наблюдалось, и стол этот не был пуст. Закуски на серебряных блюдах, нарезанный хлеб, штоф зеленого стекла, чарки.

– С легким паром, Платон Сергеевич! – поприветствовал меня штабс-капитан. – Одевайтесь и составьте компанию. Закусим перед ужином.

– Сначала посмотрим вашу рану, – сказал я, беря с лавки холщовое полотенце. – Мои сумки, мед и деготь принесли?

– Под лавкой! – указал Спешнев.

Накинув на себя нижнюю рубаху и натянув кальсоны, я достал из-под лавки горшочек с плоской и склонился над ними. То, что нужно, ложку тоже не забыли. Зачерпнув ею деготь из плоской, я плюхнул его в горшочек с медом и тщательно размешал. Затем вытащил из саквы бинты и салфетки – запасся ими в деревне. Купил у крестьян полотна и нарезал ножницами.

Бинт на ноге Спешнева промок от воды и крови. Я снял его и бросил на пол – постирают. Здесь это – вещи многоразового пользования. Рана у штабс-капитана кровила – натрудил, а попавшая на нее вода размыла засохшую корку. Я промокнул кровь салфеткой, плеснул на другую водки из штофа и обработал кожу вокруг пулевого отверстия. Подживает, хотя ходить Спешневу пока рано. Затем плюхнул на салфетку приготовленной мной мази, наложил на рану и забинтовал. Затем занялся собой. Бинтовать голову не стал – шов не кровил, просто намазал его мазью и наклеил поверх полоску полотна – эдакий пластырь. Все это время штабс-капитан с любопытством наблюдал за моими

манипуляциями.

– Ловко у вас выходит, Платон Сергеевич! – сказал по завершении. – Графиню, как понимаю, вылечили?

– Доложили? – спросил я.

– Нет, – ответил он, – но догадаться не трудно. – Ваш новый наряд, – он указал на лавку, где была разложена одежда, – стол и угощение, которые принесли после вашего прихода. К слову, костюм не дешев – в разы дороже моего мундира. Мне такой не по карману.

Вот ведь завидуший!

– Мне тоже, – сказал я. – Подарок от графини. Между прочим, Семен Павлович, вы поставили меня в неловкое положение, представив лекарем, хотя я всего лишь фельдшер. Повезло, что смог ей помочь.

– Не сомневался, что вы справитесь, – пожал плечами Спешнев.

– Это почему?

– Вы не тот, за кого себя выдаете.

Что, опять?

– И кто же я?

– Не знаю точно, но не фельдшер. Видел я их – и много. Куда им до вас! Да и лекарям многим. Никто из них не моет руки перед тем, как подступить к больному. Никто не протирает кожу вокруг раны водкой. Они ее лучше вовнутрь употребят, – он усмехнулся. – А эта мазь, которую вы соорудили буквально из ничего? Сколько служу, не слыхал, чтобы людей лечили дегтем. Лошадей – бывает, но чтобы человека... И ведь помогает! Только не говорите, что научились этому за границей – нет там такого. Имел я дело с лекарями из немцев – такие же, как наши. Не знают и половины того, что я от вас услышал. Кто вы, Платон Сергеевич?

– Фельдшер, – сказал я, присаживаясь к столу. – И это правда. А что много знаю, так учился. У меня даже микроскоп был. Знаете такой прибор?

Спешнев покрутил головой.

– Через него можно видеть мельчайшие предметы. Например, взять каплю воды, поместить на столик и посмотреть.

– И что можно разглядеть? – усмехнулся Спешнев.

– Тысячи живых существ. Они настолько крохотные, что не видны глазом, тем не менее существуют. Они живут вокруг, – я развел руки, – и внутри нас. Изучая их, я пришел к выводу, что среди них могут быть вредные существа, которые вызывают болезни. Стал искать способ убить их и нашел. Это, к примеру, спирт, – я указал на штоф. – Или тот же деготь. Помогает мыло. Я попробовал применить это в госпитале, где служил, и добился успеха: люди выздоравливали.

– И что немцы? – спросил Спешнев. – Оценили?

– Прогнали со службы. Дескать, какой-то русский будет их учить, таких умных и образованных.

– М-да... – сказал Спешнев. – Выпьем? Заодно этих ваших вредных крох уьем, – он хохотнул.

– Давайте! – согласился я.

Он разлил водку по чаркам, мы чокнулись и осушили емкости. Самогонка, но хороша! Мягкая, ароматная. Водку здесь делают методом дистилляции, до ректификационных колонн додумаются позже. Вот тогда и наступит гибель русскому мужику. Ректификат – это яд, бьющий по печени и другим органам. Дистиллят – тоже не подарок, но действует мягче. На ректификаты Россия перешла вследствие дешевизны последнего – больше денег поступало в казну. А крепость водки в 40 градусов придумали акцизные чиновники, а не Менделеев, как утверждает легенда. Так акциз проще было считать – его размер привязали к крепости водки. Прежде она составляла 37-39 градусов. Ректификат

российские власти всячески восхваляли: дескать, не несет вредных примесей. Ага. Чем чище яд, тем его действие сильнее...

Я взял тонкий ломтик хлеба – для господ нарезали, положил сверху ломтик ветчины, накрыл это дело располовиненным вдоль огурчиком, откусил. Вкусно! Хлеб свежайший и нисколько не похож на печево из моего времени с их разрыхлителями и «улучшителями», ветчину коптили натуральным дымом, а огурчик только с грядки, да еще выращенный не на гидропонике. Я эти пластмассовые овощи в своем мире никогда не покупал: ни вкуса, ни запаха – одна химия.

– Интересно вы едите, – сказал Спешнев, все это время не спускавший с меня глаз.

– За границей научился, – ответил я. – Попробуйте!

Он пожал плечами и соорудил себе такой же бутерброд.

– Неплохо, – сказал, прожевав. – Хотя порознь вкуснее.

Я только плечами пожал: на вкус и цвет товарища нет.

– Еще по чарке? – предложил Спешнев и, не дожидаясь согласия, наполнил емкости. – За что пьем, Платон Сергеевич?

– За успех нашего безнадежного дела! – предложил я.

– Как это? – удивился он, поставив чарку. – Почему безнадежного? Вы о чем?

– Многим сегодня положение России представляется безнадежным. На нас наступает лучшая армия мира во главе с лучшим полководцем. Французы движутся вглубь страны, они уже захватили бывшие польские земли и скоро вступят в великорусские, если уже не вступили. Вся Европа ждет, когда мы потерпим поражение и подпишем унижительный мир. Только не будет его для Бонапарта. Его армию ждет конец, а самого – ссылка на отдаленный остров и бесславная смерть.

- Вы говорите это так, будто наперед знаете! - удивился Спешнев.

М-да, не стоило пить...

- Так и будет, Семен Павлович, вот увидите.

- Вы что - провидец?

- Отчасти. Иногда находит.

- Чудной вы человек, Платон Сергеевич, - сказал он. - Будто не от мира сего. Говорите не так, держитесь странно. Понятно, что за границей жили, но все равно словно не русский. Я это сразу заметил, да и позже наблюдал. Даже думал: не послал ли вас нечистый? Но потом понял, что ошибся. Слуга дьявола не будет умалять страдания человека, а вы над ранеными, как курица над цыплятами. Подобного даже у русских лекарей не наблюдается. И для вас нет разницы: дворянин или простой солдат, ко всем отношение равное.

- Ему, - я указал на потолок, - наплевать на сословия и чины. У него другие мерки.

- Согласен, - кивнул Спешнев. - Но мы-то живем здесь. Кстати, не замечал за вами особой ревности к молитве. Даже не видел, чтобы молились.

- Когда вы молитесь, то не будьте как лицемеры, которые любят молиться, стоя в синагогах и на углах улиц таким образом, чтобы все их видели. Говорю вам истину: они уже получили свою награду. Ты же, когда молишься, войди в комнату, закрой за собой дверь и помолись своему Небесному Отцу, Который невидимо находится с тобой, - процитировал я.

- Вы и Писание знаете? - изумился Спешнев.

- Местами, - кивнул я. - Ну, что, выпьем?

- За успех нашего дела! - провозгласил Спешнев.

- И погибель супостата, - поддержал я.

– Хочу вас спросить, – начал Спешнев после того, как мы закусили. – Что собираетесь делать дальше?

– А с чего интересуетесь? – ответил я по-еврейски.

– Я тут прислугу расспросил. Завтра Хренины отбывают в Смоленск. Уехали бы вчера, но графиня занедужила. Вы ее излечили. Думаю, она предложит вам присоединиться. Спиной мается, а тут лекарь умелый. Графиня с дочкой поедут в экипаже, добро повезут в телегах. Двигаться будут быстро, в отличие от нас. Вам с ними скорее и безопаснее – тем более, что имеете лошадь под седлом. Если и нарветесь на французов, не тронут: не верю, что они способны поступить мерзко в отношении благородных женщин. А вот с нами опасно, в чем имели возможность убедиться.

– Я с вами!

– Почему?

– Что я буду делать в Смоленске? Без денег, связей и знакомств?

– Графиня может предложить остаться при ней.

– В роли комнатной собачки? Нет, Семен Павлович, я солдат и хочу встать на пути врага, – произнес я с пафосом. – Каждый день его присутствия на русской земле оскорбляет меня до глубины души. (Кажется, так писал классик?) Так что я буду их убивать – с вашей помощью, конечно.

– Спасибо! – он протянул руку, и я с чувством пожал. Любят здесь красивые слова и жесты. – Порадовали вы меня, и солдаты будут довольны. Они успели вас полюбить. Честно! – добавил, увидев мой недоверчивый взгляд. – Будучи сыном князя, пусть и не дворянином, вы не чванитесь и держитесь с ними, как ровня. О раненых заботитесь. Не пожалели трофеев для солдатской артели, хотя сами без гроша в кармане. Благодаря вашему серебру, провиантом разжились, даже мясом для котлов. Подобное редко встретишь. Знаете, как егеря вас зовут? Наш княжич. Наш, – повторил он. – Сколько вам лет, Платон Сергеевич?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Благотворительная организация добровольцев в Беларуси, которая занимается поиском пропавших и заблудившихся людей, а также помогает тем, кто попал в сложную ситуацию вследствие природных условий – например, из-за занесенных снегом дорог. Действует оперативно и эффективно. Очень популярна и уважаема в обществе.

2

Манерка – фляга. Ее жестяной стакан надевался на широкое горлышко.

3

Ксероформ.

4

Лев Толстой, «Война и мир».

5

Герой ошибается: штабс-капитан. У капитана офицерский знак имел вдобавок посеребренный ободок.

6

На дороге как оказался?

7

Убегал от французов.

8

Почему?

9

Я русский.

10

Корпия – нащипанные из ветхой ткани нити, которые в то время использовались вместо ваты.

11

Великая армия (фр.).

12

В день солдат получал от казны около килограмма муки, из которой выходило примерно 1,5 кг хлеба, и полстакана крупы (измерялась объемом). Из чего следует, что основным продуктом питания солдата был хлеб – как, впрочем, и в Европе.

13

В обычной пехоте ? фунта мяса или рыбы три раза в неделю и чарка (0,13 л) водки четыре раза в неделю. Крепость водки в то время обычно не превышала 20 градусов. В гвардии выдачи были чаще.

14

Сарказм, если кто не понял. Отсылка к рассказу «Левша». Толченым кирпичом стволы ружей в то время не чистили.

15

Спецназ внутренних войск Беларуси.

16

Генерал-лейтенант Неверовский Дмитрий Петрович, герой Отечественной войны 1812 года.

17

Герильяс – испанские партизаны периода Наполеоновских войн. Отличались крайней жестокостью по отношению к французам. Те, впрочем, были не лучше.

18

В отличие от военных врачей, которых готовили в Военно-медицинской академии, фельдшеров того времени обучали при госпиталях, набирая их из способных к этому солдат. Считались средним нестроевым составом, по чину равнялись унтер-офицерам.

19

Саква – сумка кавалериста, приторачиваемая к седлу.

20

Артелью называлось отделение (не путать со строевым!) солдат и унтер-офицеров, которое вело совместное хозяйство. В роте было три артели.

21

Даву смотрит начальные кадры не дублированного фильма «Ватерлоо», режиссер – Сергей Бондарчук.

22

Ассигнаты – бумажные деньги.

23

Сегодняшние белорусские банкноты образца 2009 года, хотя в обращение их выпустили в 2016 году.

24

Наполеондор – золотая монета достоинством 20 франков того времени. Содержала 5,8 грамма чистого золота.

25

Жителей Беларуси того времени французы считали поляками.

26

Именно так и было. Грабить население «Великая армия» начала еще в Европе.

27

Для французской армии сапоги делали с квадратными носами, чтобы их не продавали на сторону.

28

Разумеется, «скорая», но трудности перевода...

29

Тактическая единица того времени в гвардейской легкой кавалерии Наполеона. В состав эскадрона входили две роты.

30

На этот счет существовал даже указ Павла I, которым предписывалось назначать унтер-офицерами самых храбрых.

31

Колпак с кисточкой – устаревший образец фуражной шапки, которые носили вне строя. В обиход вошла уже привычная нам фуражка: с козырьком для нестроевых и без – для остальных солдат и офицеров. Но фуражные шапки прежнего образца еще оставались в войсках. Их шили в полках из старого обмундирования. Именно такую выдали попаданцу.

32

В то время слово «жид» не несло оскорбительного значения и употреблялось повсеместно, в том числе самими евреями. Об их гешефтах с армией Наполеона пишут историки.

33

По таким признакам эти фальшивки и вычисляли.

34

Такой приказ отдал командир 4-го корпуса русской армии граф А.И. Остерман-Толстой в битве при Островно. «Яростно гремела неприятельская артиллерия и вырывала целые ряды храбрых полков русских», – писал об этом С.Н. Глинка,

участник тех событий. Нет слов...

35

Вымышленный автором графский род. В реальной истории не существовал.

Купить: https://tellnovel.com/ru/drozdov_anatoliy/shtucer-i-tesak

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)